

Никита Грицаев

Возможно, я чьё-то наказание...
Часть 1.

18+

Никита Грицаев
Возможно, я чьё-
то наказание. Часть 1
Серия «Возможно, я чьё-
то наказание...», книга 1

<https://litres.ru/73831171>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он видел во сне крушение самолета, но не смог остановить сестру. С тех пор Рико живет с чувством, что он — чужое наказание, тот, кто приносит беду.

Лиза — «снежная королева» тенниса. Она разучилась чувствовать, потому что быть живой слишком больно. Их первая любовь сгорела дотла в пожаре родительских запретов и юношеского максимализма.

Прошло шесть лет. Он стал журналистом, бросающим вызов системе. Она вернулась в город чемпионкой с ледяным сердцем. У них одна группа крови на двоих и общая привычка истекать ею, когда они рядом.

Это история о том, что любовь не всегда спасает. Иногда она — зеркало, в котором страшно увидеть свое истинное лицо. Но только разбив это зеркало, можно наконец начать дышать.

Содержание

«Просто дурацкий сон — предвестник бед»	4
«Я не успел — и рухнул прежний свет»	7
«Я сам себе противоречу вновь»	20
«Учусь держать, но срывы губят кровь»	32
«И мир вокруг — как замкнутый запрет»	42
«Мы сблизились — и стало легче в нём»	57
«Ты — первый свет, зажжённый в сердце днём»	63
«Та связь жива, куда бы ни идти»	81
«Отец ломает всё на полпути»	94
«Я среди пыли спор веду о том»	115
«Не подходи» — звучит, как приговор»	127
«Чужой холодный дом — немой укор»	140
«Кто я теперь — без масок и ролей?»	156
«Лишь шёпот вслед и холод от людей»	174
«И в каждом взгляде — скрытый мне укор»	187
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Никита Грицаев

Возможно, я чьё-то наказание. Часть 1

«Просто дурацкий сон — предвестник бед»

Август 2001-го. Долина плавилась под солнцем, цикады умолкли к полудню, воздух дрожал и пах горячим асфальтом. Терминал. Огромные окна в пыли. Кондиционеры рычали на износ, но духота шла внутрь вместе с запахом керосина. Рико бежал. Одиннадцать лет, кроссовки скользили по полированному полу. Зал казался гигантским, а он — крошечным. Плечо столкнулось с мужчиной в костюме. Рико не замедлил шаг. Впереди — Мария. Тёмные волосы в хвосте, светлое платье чуть выше колена. Чемодан в одной руке, сумка с учебниками по биологии — в другой. Она улетала поступать в университет, первая ступенька к мечте, к которой семья готовила её годами. Сон преследовал его: белый самолёт в клочьях облаков, вспышка, огонь. Безмолвный крик — рот открыт, звука нет. Все погибли. Рико вскочил, насчитав трещины на потолке, и бросился к родителям.

— Она не может лететь. Самолёт... — слова застряли в горле.

Отец махнул рукой:

— Просто дурацкий сон. Это нервы, Рико. Иди поиграй.

Мария улыбнулась, спокойно, без тревоги:

— Всё будет хорошо.

Мать лежала в роддоме, схватки начались ночью. Завтра родится Серхио. Отец был там. Лиор, семилетний брат, остался у родственников. Соседи — родители Лины, девочки из соседнего подъезда, — подбросили Рико.

— Довезём, — крикнул отец Лины.

Лина молчала, листала журнал. Рико смотрел в окно: белая полоса облаков повторяла сон.

— Мария! — крик сорвался. Она не обернулась.

Рико ускорился. Пот заливал глаза, рубашка прилипла к спине. Мария почти дошла до выхода. Яркие голубые глаза, единственные в семье. У отца и братьев — чёрные, а у неё — прозрачные, как небо. Под солнцем они светились. Мария подняла три пальца: «Я вернусь». Створки двери сомкнулись. Ладони обожгли холодные перегородки. За барьером она шла к стойке, не оборачиваясь. Светлое платье мелькнуло и исчезло.

— Только по билетам, мальчик, — сказал охранник, коснувшись плеча.

Рико отступил. На табло рейс набирал скорость: сорок минут до вылета. Лина где-то на втором этаже пила апельсино-

вый сок. Ей хотелось домой, в прохладу. Рико не подошёл. Самолёт выкатил на полосу. Белый, как во сне, растворился в облаках. Мария снова подняла три пальца: «Я вернусь». В роддоме начались схватки. Через часы родится Серхио. Она ещё не знала. Телефон в кармане соседа зазвонил. Мужчина ответил, побледнел, уронил трубку.

— Рейс... пропал с радаров.

Рико разжал ладонь. На линии жизни проступила капля крови.

«Я не успел — и рухнул прежний свет»

Тёмная вода закрылась над головой. Рико моргнул. В полумраке проступили его черты — чёткие, собранные, будто выверенные до мелочей: прямые брови, аккуратный нос, острые скулы. Кожа тёплого оливкового оттенка выглядела холодной в отражении воды. Глубокие чёрные глаза смотрели вдаль — за реку, за огни города. Взгляд был сосредоточенным, пронзительным, слишком взрослым для шестнадцатилетнего. В нём читалось больше, чем он когда-либо позволял сказать вслух. Губы сжались — не от злости, а от привычки держать всё внутри.

«Возможно, я чьё-то наказание, — подумал он. — Для кого-то расплата за грехи. Тяжёлая ноша. Для кого-то — ночной кошмар. А для меня... Это просто жизнь».

Он знал: здесь задерживаться нельзя. Рано или поздно придётся вернуться туда, где ждут сражения. Рико встал и стяхнул песок. В конце тупика виднелся дом — старый кирпич, стены покрыты плющом.

— Где был? — сухо прозвучало из тёмной гостиной.

В кресле сидел отец, Майкл. Его лицо едва освещал свет с улицы, в руке — стакан с водой. Черты резкие, словно выточенные: короткие чёрные волосы с сединой зачёсаны назад,

взгляд холодный и властный. Майкл не был просто отцом. Высокопоставленный чиновник, привыкший к безусловно-му послушанию. Каждое его движение, даже то, как он держал стакан, говорило о контроле. Костюм сидел безупречно. На руке — массивные часы.

— На реке. Дышал воздухом, — тихо ответил Рико, избегая встретиться с отцом взглядом.

— Дышал? — Майкл поставил стакан — глухой стук расколол ночную немоту. — Думаешь, я не замечаю, что ты пропадаешь каждую ночь? Ты не ребёнок. У тебя есть обязанности. Ты старший брат.

— Я постоянно думаю о них, — Рико сжал ладони до боли.

— И что? — отец шагнул вперёд, тень нависла над ним. — У тебя есть всё, за что можно быть благодарным, а ты жалуешься.

— У меня ничего нет. Нет даже времени на себя. Лиор не сделал уроки, Мартин разбил вазу, Серхио плачет по ночам... Я нянька, учитель и утешитель — когда же мне быть просто шестнадцатилетним?

Майкл резко выпрямился, глаза засверкали в полумраке. Сделал шаг:

— Когда мне было шестнадцать, улицы дрожали от взрывов. Граффити с угрозами, листовки с чёрными печатями, комендантский час после захода солнца. Я видел, как отец терял работу. Мы ели один раз в день. Вставал в пять утра,

чтобы помочь семье. Не потому что хотел, а потому что иначе нельзя.

Он сжал губы, на мгновение погрузившись в прошлое.

— Ты живёшь в спокойное время. Видишь эти фонари? Они горят всю ночь. У тебя есть образование, возможности, будущее. И ты говоришь, что у тебя «ничего нет»?

— Я не жалею. Просто хочу... — Рико искал слова. — Хотелось бы свободы. Встречаться с друзьями, дышать, не чувствуя, что на плечах весь мир.

— Свобода — это роскошь для тех, кто её заслужил трудом. Ты старший. Это не бремя, а долг. Он и делает человека.

— А если я не хочу? — Голос дрогнул, но взгляд остался твёрдым.

Майкл подошёл к окну, сцепил руки за спиной. За стеклом лежала ночная улица — свет фонарей дрожал на мокрой брусчатке.

— Ты мой сын. И ты будешь делать то, что должен. Это не просьба.

Рико опустил голову, не сопротивляясь. Отец развернулся и ушёл. В темноте Рико потёр шею — воротник теснил. Поднялся по лестнице, мимоходом отметив: Лиор ворочается, Серхио мирно спит, Мартин бормочет во сне. В своей комнате он открыл ящик стола, достал тетрадь, сел на кровать: «Иногда я чувствую, что меня нет. Что я просто тень. Кто я, если не старший брат? Я не успел — и рухнул прежний свет». Закрыв тетрадь и лёг. Сон пришёл сразу, без пре-

дупреждения — просто выключил сознание. Ещё мгновение назад он смотрел в тёмный потолок, считал трещины — а теперь стоял в аэропорту.

Прозрачные стены. Гул голосов. Мария у стойки регистрации — светлое платье. Она обернулась, улыбнулась. Рико хотел шагнуть, но пол вяз. Она подошла сама и обняла.

— Я всегда буду рядом. Хочешь ты этого или нет.

Она отошла к стеклянным дверям, не оборачиваясь.

— Мария!

Крик звучал внутри, но снаружи — ни звука. Двери открылись, она шагнула в белый свет и исчезла. Аэропорт начал таять. Рико стоял на берегу моря. В двадцати шагах — девушка с чёрными глазами, смотрела прямо.

— Кто ты?

— Я то, что ты прячешь, — твёрдо прозвучало в ответ. — Твоё отражение.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты бежишь от себя. Прячешься за маской. Но кто ты на самом деле?

Она шагнула назад — фигура распалась и исчезла.

— Посмотри на себя, Рико. Настоящего.

Он открыл глаза. Потолок, трещина, за окном серело. Сырость и выхлопы. Рико лежал неподвижно, грудь поднималась ровно. Только пальцы правой руки сжимали край простыни. Сон не отпускал: перед глазами вспыхнули Мария с улыбкой, стеклянные двери, море и девушка с чёрными гла-

зами. Сел, ладонь легла на грудь, к нагрудному карману — фотография. Мария, её три пальца: «Я вернусь». Не вернулась. Рико взял тетрадь и ручку, быстро записал сон мазками: аэропорт, Мария, море, девушка, слова. Внизу вывел: «Кто ты, Рико, если не старший брат?»

В коридоре заскрипели половицы — лёгкие, быстрые шаги матери. Она вошла без стука. София — стройная, голубые глаза, длинные каштановые волосы. Лицо сочетало мягкость и твёрдость, губы сложены в едва заметную улыбку. На ней домашний халат, спина прямая, будто готовится к лекции.

— Ты чего не спишь? — заметила тетрадь. — Выглядишь так, будто всю ночь не спал.

— Спал. Просто приснилось.

София присела на край кровати, руки на коленях, взгляд — сочувствующий, привычно мягкий, но полный внимания.

— Знаешь, ты всегда можешь поговорить со мной.

— Знаю.

Пальцы теребили край халата — признак волнения.

— Вижу, как ты устаёшь. Ты берёшь на себя слишком много... Ты не обязан быть супергероем для всей семьи.

Рико дёрнул плечом, не поднимая глаз:

— А кто ещё? Лиор маленький, Мартин ничего не понимает, отец... всегда занят.

— Понимаю, сынок. Но не можешь нести этот груз в одиночку. Если тяжело — скажи. Мы перераспределим обязанности.

— Мам, это не так сложно...

— Не обманывай себя. Вижу, как бледнеешь, раздражаешься, забываешь поесть. Это перегрузка. Каждый день выбирай одно дело, которое можешь не делать, передай мне или отцу. Договорились?

Рико встретил её взгляд — в нём не было упрёка, только забота.

— Ладно... — нехотя согласился он. — Сегодня я отведу Лиора в школу — отец уехал, у тебя лекция.

— Именно так. Сегодня ты помогаешь, а завтра мы с отцом возьмём другие заботы. Это командная работа. Ты не один.

Поднявшись, она направилась к двери:

— И постарайся хоть немного поспать днём. Знаешь, как важен отдых.

Дверь закрылась. Рико встал и оделся. Лиор ждал в прихожей — сутулясь, рюкзак на одном плече, взгляд напряжённый. Вышли. Улица пахла мокрым камнем.

— Ты всё ещё злишься? — нарушил тишину Рико.

Лиор резко остановился, развернулся:

— Злюсь? Ты знал, что самолёт разобьётся. Ты видел сон. И ничего не сделал.

— Я не знал. Думал, это сон.

— Она погибла! — Лиор стиснул зубы. — Ты просто живёшь дальше. А её нет.

Отвернувшись, он зашагал к остановке. Автобус вывернул

из-за поворота — жёлтый, обшарпанный. Из подворотни вынырнули двое: шапки натянуты, руки в карманах. Движения резкие. Один дёрнул Лиора за лямку, второй полез в карман.
— Эй! — крикнул Рико.

Он рванулся вперёд. Удар плечом — хруст. Первый отлетел к стене. Лиор вырвался. Второй замахнулся — Рико увернулся, но удар всё же пришёлся в скулу, губу рассекло.
— Беги! — выкрикнул он.

Лиор прыгнул внутрь, Рико — следом. Двери сложились. Высунувшись в окно, он бросил:

— В следующий раз я перееду вас этим же автобусом!

Голос хрипел. Рико опустил на сиденье рядом с Лиором, руки непроизвольно сжимались в кулаки.

— Ты в порядке?

— Да... Спасибо, — отозвался Лиор.

Из соседнего ряда донёсся голос:

— Не смотри туда, опять эта шпана.

Рико обернулся. Кудрявая блондинка лет двадцати — Лина, соседка. Её волосы спадали на плечи густыми, живыми кудрями тёплого блонда, создавая ощущение постоянного движения. Кожа светлая, с мягким сиянием, будто она всегда чуть больше ловила свет, чем остальные. Черты лица были открытыми и женственными: аккуратный нос, мягкие линии скул. Но сильнее всего цепляла улыбка — широкая, живая, с той лёгкостью, которая мгновенно располагала к себе. Яркие зелёные глаза с едва заметным бирюзовым оттенком

смотрели внимательно и с интересом, без напряжения. Рядом — девочка лет тринадцати. В ней было что-то необычное — не просто юность, а внутренняя собранность. Чёрные волосы были уложены странно и аккуратно одновременно: две косы спускались вдоль плеч, а на макушке собирались в небольшие пучки, придавая облику почти детскую небрежность, которая почему-то только усиливала ощущение продуманности. Кожа — тёплого оливкового оттенка, гладкая, с едва заметным естественным румянцем. Черты лица правильные, почти слишком гармоничные: аккуратный нос, мягкая линия губ. Но больше всего притягивали глаза. Непривычно большие, почти слишком большие для её лица, тёмные и глубокие, они сразу захватывали внимание. Взгляд был прямым, спокойным — и в то же время странно притягивающим, будто в нём можно было задержаться дольше, чем следовало. Не по возрасту осмысленный, он создавал ощущение, что она видит чуть дальше, чем остальные. Мысль мелькнула: «Откуда в тринадцатилетней такое... присутствие?» Момент прошёл.

— Ты не говорила, что у тебя есть дочь, — обратился он к Лине.

Та подняла бровь:

— Это Лиза. Дочь подруги. Отвожу в новую школу. Пока та в больнице.

— Понятно. — Рико повернулся к девочке. — Ну что, Лиза, как тебе наш район?

Лиза уткнулась носом в окно, щёки покраснели.

— Нормально.

— Не пугай её, — улыбнулась Лина. — Она нервничает.

— Я не пугаю. Просто интересуюсь. Район... своеобразный.

— Своеобразный? — Лиза нахмурилась. — Пока тут живут такие, как вы, скучать не придётся. Что, опять приключения?

— Моего брата хотели ограбить. Пустяки.

Она вцепилась в рюкзак.

— Как школа? Уже с кем-нибудь познакомилась? — понизил голос Рико.

— Нормально.

— Мне в новой школе полгода понадобилось, чтобы заговорить хоть с кем-то, — поделился Рико. — Был как ёжик: всех колол, в клубок сворачивался.

Лиза повернулась к нему, чёрные глаза изучали лицо.

— А как ты перестал бояться? — спросила она.

Рико задумался:

— Понял, что все такие же. Просто кто-то лучше скрывает. А ещё... нашёл дело. Начал записи вести.

— Записи? — нахмурилась Лиза. — Как разговор с собой?

— Не совсем. Чтобы разобраться. На бумаге выкладываешь всё — становится легче.

Лиза отвернулась к окну. Плечи опустились, поза рассла-

билась.

— Попробую.

— Попробуй. Начни с малого. Просто запиши, как прошёл день.

Он всё смотрел — так же, как минуту назад, когда говорил о записях. Будто искал в её лице ответ на вопрос, который не решался задать.

— Перестань на меня смотреть! — Лиза резко повернулась к окну. — Следи за братом, чтобы больше не попадал в неприятности.

Остаток пути молчали. В голове вспыхнул образ из сна — темноволосая девушка и её слова, врезавшиеся в память. Лиза косо поглядывала в его сторону, но тут же отворачивалась. Лина пыталась разрядить обстановку, рассказывая историю про подмену реактивов на химии. Лиза улыбнулась, слушала вполуха. Автобус подъехал к школе. Лина и Лиза вышли быстро, не дав попрощаться. Рико хотел что-то сказать, но промолчал. Проводил их взглядом, пока они не скрылись среди учеников. Лиор нарушил молчание первым:

— Спасибо. За то, что заступился.

Рико положил руку на плечо брата — сдавливая пальцами.

— Всегда.

Лиор направился к входу. Рико остался наблюдать, как фигура брата исчезла за дверью. Дом встретил его пустотой. Отец стоял в прихожей. Лампа разрежала лицо на тень и свет.

В руке — телефон, экран светился после звонка. Пиджак мягкий, галстук ослаблен. Высокопоставленный чиновник после смены.

— Почему не в школе?

Рико ощутил резкую боль в висках.

— Голова кружится. Еле дошёл.

Отец прищурился, голос прозвенел сталью и усталостью:

— Выглядишь, будто бродил по городу. Ты думаешь, я не вижу?

— Не могу сосредоточиться.

Отец шагнул ближе.

— На мне отдел. Я не могу следить ещё и за тобой. Ты старший. Лиор смотрит на тебя.

— Я думаю о них! — Голос дрожал. — Но кто думает обо мне?

Отец выпрямился, глаза сузились.

— Ты хочешь, чтобы я спрашивал? Хорошо. Как ты себя чувствуешь, Рико? Что хочешь?

— Не знаю.

— Вот видишь. Ты сам не знаешь.

Отец повернулся к двери:

— Ладно. Если так плохо — поможешь на работе. Сегодня красим кабинет.

Он ушёл, выбора не оставив. Рико водил кистью по стене — белила скрывали старые пятна. Запах растворителя резал нос. Отец стоял у окна, проверял смету, не оборачиваясь.

Образы из сна лезли в голову: море, девушка, кровь. Дерево кисти впивалось в ладонь. Взгляд устремился к окну. Через квартал возвышался собор. Солнце било в витражи, рассыпая цветные осколки по мостовой. Кисть капнула на пол — белая клякса растеклась. Рико поставил ведро и вытер руки о тряпку.

— Я на минуту.

Рико шёл быстро. Внутри пахло воском и ладаном. Свет падал через витражи, ложился пятнами на скамьи. Орган вибрировал в воздухе. Рико опустился на край скамьи — плечи расслабились.

— Первый раз здесь?

Голос прозвучал рядом. Священник стоял сбоку: старый, в поношенной рясе. Лицо в морщинах, взгляд сосредоточенный.

— Да. Нужно было побыть здесь.

Священник сел рядом — ткань зашуршала.

— Место помогает найти то, что потеряно. Ты несёшь тяжесть.

Рико провёл пальцем по деревянному краю. Холодное и гладкое.

— Думал, стоит сюда прийти. Стать священником.

— Это требует отказа. Не от вещей, а от того, кем ты был. Готов оставить старую кожу?

На запястье кольнуло — как укол. Родинка пульсировала, по коже потекла тонкая струйка крови, яркая на бледной ко-

же. Рико вскочил — сиденье скрипнуло.

— Извините. — Он выбежал из храма.

На улице он вытер кровь рукавом. Пятно темнело на ткани. Дома отец ждал в прихожей — стоял неподвижно.

— Где был?

— В магазине. За краской.

— Врёшь.

Отец шагнул вперёд. Ладонь взметнулась — удар пришёлся в щёку. Голова мотнулась, перед глазами поплыли цветные пятна.

— Хватит! — Мать выскочила из кухни, схватила отца за руку. — Ты с ума сошёл?

Рико вылетел за дверь. Велосипед стоял у крыльца. Он вскочил в седло и надавил на педали. В окне гостиной шевельнулась штора. Отец стоял там, глядя вслед, и что-то печатал в телефоне. Рико свернул за угол. Карман ожил короткой дрожью: «Ты думаешь, ты ушёл?».

«Я сам себе противоречу вновь»

Голова Рико гудела, щека тянула от вчерашнего удара, оставившего тёмный след.

— Тетради на стол, — голос учительницы скользнул по классу.

Рико протянул тетрадь. Учительница открыла страницу. Голос её растянул строки:

— «Кто я, если не старший брат... Не тот, кто всегда должен быть сильным?»

Кто-то сдержал смех, кто-то переглянулся.

— «Может, пришло время посмотреть в зеркало...»

— О, философ? — Алекс вылез из-за парты. Ухмылка кривая, глаза блестели насмешкой. — «О, я так страдаю!»

Стул с грохотом упал. Рико подошёл к Алексу, прижал к стене. Лицо Алекса побледнело.

— Ещё одно слово, — тихо, — и следующая запись будет о том, как ты перестал дышать.

Алекс побледнел, улыбка сползла.

— Рико! — учительница схватила его за плечо. — Вон из класса!

Рико вышел. Коридор пустовал. Холод бетонной стены остудил лоб. Во двор он шёл беззвучно. Сел на скамейку у забора, достал помятую пачку сигарет. Зажёг — огонь дрожал на ветру. Дым щекотал горло, глаза слезились, но сига-

рету он не убирал. Курил, пока пальцы не покрылись желтизной. Звонок разорвал пространство. Поток детей хлынул во двор: смех, крики, топот шагов. Лиза стояла перед ним.

— Ты куришь?

Рико выбил пепел.

— Тебе какое дело?

— Ты выглядишь усталым.

— Нормально. Просто отдыхаю.

— Сегодня ты странный. Что случилось?

Он сжал сигарету между пальцами.

— Я всегда странный. Я — само противоречие. Отстаньте все от меня!

Лиза сделала шаг назад.

— Ладно. Не хочешь говорить — не надо.

Она растворилась в толпе. Рико проследил, как силуэт смешался с потоком учеников. Тлеющий конец сигареты вспыхнул ярким светом, и он раздавил его каблуком, оставив чёрное пятно на асфальте. Школа шумела. Учительница перехватила его у выхода. Взгляд остановился на синяке под глазом.

— К директору.

Кабинет директора пах бумагой и старым лаком. Мужчины за столом не поднял головы. На столешнице лежала та самая тетрадь — чёрная, с помятым уголком.

— Садись.

Рико опустился на стул. Дерево холодило спину, луч све-

та выделял кружившие пылинки. Директор ткнул пальцем в тетрадь.

— Объясни.

— Что объяснить?

— Это, — палец коснулся страницы, — и то, что ты сделал с Алексом. Угрозы, насилие. Ты думаешь, школа — театр для твоих спектаклей?

Каждое движение директора казалось замедленным, каждое слово — вызовом.

— Я не могу это игнорировать, — продолжил директор. — Ты был хорошим учеником. Сейчас идёшь по краю. Завтра придёшь с родителями. Иначе будем говорить об отчислении.

— Понял.

Он вышел. Звук закрывающейся двери разнёсся по пустому коридору. Рико остановился. Лиза увидела в нём больше, чем он позволял себе показывать. Это давило сильнее любого наказания. Рико шёл медленно, ноги волочились по мокрому тротуару. В кармане жгла пачка сигарет. Он обещал себе не курить. У обочины стоял чёрный седан. Двигатель работал, выхлоп выпускал лёгкий пар. Рико узнал девушку у открытой дверцы раньше, чем лицо женщины внутри. Чёрные волосы, знакомый профиль — Лиза. В салоне — женщина постарше: строгий костюм, руки на руле. Мать.

— Ты пропустила тренировку, — голос резкий, сквозь открытое окно. — Второй раз за неделю.

— Мне нужно отдохнуть, — Лиза стояла на тротуаре.

— Отдых будет после результата. Ты должна быть лучшей.

— Я не хочу быть лучшей!

Женщина отвернулась к приборной панели. Стекло поднялось, звук отрезан. Машина тронулась. Лиза осталась стоять. Рико прошёл мимо.

— Понимаю. Прекрасно понимаю. Лучше всех понимаю,

— бросил он, не останавливаясь.

Лиза обернулась. Глаза красные, но сухие. Следила за его спиной, пока он не свернул за угол. У подъезда дымили сигаретами. Лиза стояла среди подруг, смеялась, запрокидывая голову. Махнула рукой, заметив Рико.

— Эй! Идёшь мимо?

Он остановился. Лиза сделала шаг навстречу.

— Что случилось? Выглядишь, будто мир рухнул.

Рико достал сигарету, закурил. Дым пошёл в лёгкие — с кашлем.

— Директор. Тетрадь. Завтра нужно привести родителей.

Лиза выронила сигарету, раздавила носком.

— И где проблема?

— Отец меня убьёт. Или выгонит.

Лиза оценила его состояние и бросила взгляд на подруг, и те отошли.

— Слушай. Я схожу.

Рико приподнял брови.

— Что?

— Я схожу вместо твоей матери. Я уже взрослая, выгляжу нормально. Директор тебя знает, её — нет.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Я недавно Виолу подменяла, сестру Лизы. Никто не заметил.

Рико выпустил дым.

— Зачем ты это делаешь?

— Потому что ты не один. — Лина хлопнула его по плечу. — И хватит курить. Завтра в семь у школы. Не опаздывай.

Она повернулась к подругам, крикнула что-то весёлое. Смех вернулся. Он подошёл к подъезду, толкнул дверь. Поднялся по лестнице. Завтра будет завтра. Сегодня он дойдёт до кровати. В прихожей Лиор сидел на диване, уткнувшись в телефон. Экран светился в полумраке. Увидев Рико, поднял глаза.

— Родители уехали. До ночи.

Он поворошил что-то на экране.

— Отец велел сделать со мной уроки и помыть полы. Уроки я сделал сам. Полы тоже. Можешь идти к дневнику.

Серхио выскочил из кухни с тряпкой в руках.

— А я помыл полы!

Лиор вздохнул.

— Сначала натоптал, я потом перемывал.

Лиор встал, прошёл мимо, хлопнул дверью комнаты. Серхио смотрел на старшего брата. Ждал.

— Ты куда? Возьми меня!

Рико присел, обнял его. Шерстяной свитер колол щёку.
— В другой раз, малыш. Дело взрослое.

Серхио сжал губы. Рико взял рюкзак. Цепь велосипеда скрипнула. Он поехал не к реке, а через парк. Фонари моргали, тени растягивались на земле. На скамейке у пруда сидела Лиза. Пальцы теребили уголок страницы блокнота, плечи сгорблены. Рико затормозил и подошёл, стараясь не хрустеть ветками.

— Лиза.

Она подняла голову, узнала его, отодвинулась на край скамьи.

— Рико. Не ожидала.

— Гулял. — Он сел на скамейку, оставляя расстояние между ними. — У тебя что-то случилось?

Лиза остановилась на бумаге.

— Думаю.

— Ты злишься?

Она резко повернулась.

— Злюсь? Нет. Не понимаю, зачем ты подошёл. В школе был мил, будто ненавидишь.

Рико сжал руль велосипеда, металл впился в ладонь.

— Лиза, я...

— Не надо. — Она отодвинулась ещё дальше. — Ты был груб. Я хотела помочь, а ты сказал «отстань». Будто я мешаю. Будто меня нет.

— Я не хотел обидеть.

— Не хотел? — В голосе прозвучала напряжённость. — Ты даже не объяснил. Просто оттолкнул.

Рико опустил глаза на ботинки, грязь на шнурках.

— Я был... не в себе. Проблемы навалились. Если начну говорить, всё вырвется наружу. Не был готов.

Лиза отвернулась, плечи напряжены.

— Думаешь, только у тебя проблемы? — Она помолчала.

— Решил, что твои чувства важнее. Даже не попытался понять, что у меня происходит.

Щёки Рико залило жаром.

— Я был эгоистом. Не подумал о тебе. Сожалею. Я сам себе противоречу вновь.

Лиза зашевелила пальцами на бумаге. Поза стала мягче.

— Ты всегда так? — спросила она. — Закрываешься, когда плохо? Не даёшь помочь? Это не делает тебя сильным. Делает одиноким.

Слова ударили точно.

— Не хочу быть таким. Не знаю, как по-другому.

Лиза повернулась.

— Мог бы сказать: «Мне плохо, Лиза. Нужна помощь».

Но ты выбрал лёгкий путь — оттолкнуть всех.

— Я был глуп. Не хочу, чтобы ты так думала. Хочу исправить.

— Начни с честности. Не притворяйся, что всё в порядке. И не отталкивай тех, кто рядом.

— Постараюсь. Спасибо, что сказала.

— Не делай так больше.

— Извини, Лиза. Правда.

Она посмотрела на него. Уголки губ дрогнули.

— Ладно. Но если снова так поступишь, я не буду снисходительна.

— Понял. Буду стараться.

Напряжение спало. Лиза открыла блокнот, ручка зашкряпала по бумаге. Рико сидел рядом, слушал звук пишущего инструмента.

— Лиза, — начал он, — ты когда-нибудь чувствовала, что тебя никто не понимает? Будто живёшь в своём мире, а все хотят, чтобы ты была другой?

Лиза перестала писать.

— Да. Всё время. Родители хотят идеальную: учёба, тренировки, успех. Иногда они не знают, кто я.

— Отец сравнивает. Хочет сильного, уверенного. Будто у меня нет права на слабость. Иногда хочется, чтобы кто-то просто понял.

— Ты тоже так чувствуешь?

— Да. Иногда я совсем один. Должен быть кем-то, кем не являюсь.

— Я тоже, — призналась она. — Они хотят, чтобы я была лучшей. А я не хочу. Хочу быть собой.

Рико достал из рюкзака чёрную тетрадь с помятым уголком.

— У меня есть кое-что. Хочу показать.

Лиза подняла глаза.

— Это... мои мысли?

— Мои. Всё, что чувствую. Может помочь понять.

Она взяла, страницы зашелестели. Читала быстро. Брови расслабились.

— Ты пишешь, что чувствуешь себя чужой в семье, — произнесла она. — Я тоже. Будто живу в чужом мире. Правила и ожидания — не про меня.

— Мы похожи, — Рико слегка наклонился к ней. — Пытаемся найти себя. Мир хочет, чтобы мы были другими. Но мы сильнее.

Лиза улыбнулась.

— Спасибо, Рико. Ты единственный, кто понимает.

Они сидели рядом. Фонарь над головой зажёгся, треща.

— Знаешь, — Лиза замаялась, — я часто думаю, что было бы, если бы я могла просто уйти. Побывать одной. Где никто не ждёт.

Рико посмотрел на воду, тёмную и неподвижную.

— Мне тоже хочется исчезнуть. Но знаешь... если уйдёшь, себя возьмёшь с собой. Если не найдёшь здесь, не найдёшь и там.

— Но как найти себя? Кто я на самом деле?

— Может, не найти. А создать. Мы меняемся, Лиза. Важно не искать версию себя, а быть тем, кто ты есть сейчас. Даже если не идеально.

— Иногда ты единственный, кто видит меня настоящую,

— Лиза опустила взгляд на блокнот. — Не ту, которую хотят родители или тренер. А ту, что сидит с блокнотом и боится ошибиться.

Ветерок колыхнул листья над головой. Лиза подняла глаза, словно принимая решение.

— Рико, — голос стал тоньше, — у тебя есть девушка?

Рико растерялся, брови поднялись. Потом выдавил неловкую улыбку.

— Нет. А у тебя?

Лиза покраснела, рассмеялась.

— Нет, у меня тоже нет.

Её смех был тихий, но искренний. Рико уловил настроение и тоже рассмеялся.

— Извини, — сказала Лиза. — Глупый вопрос.

— Ничего глупого. Всё хорошо.

— Когда рядом кто-то, кто понимает, это важно.

— Да, — тихо согласился Рико. — Очень важно.

Лиза поправила блокнот на коленях.

— Может, мы и не сразу найдём себя, но уже начали. Хорошо, что не в одиночку.

Рико встретился с ней взглядом. В его глазах появилось что-то новое — открытость и доверие.

— Мы оба боимся. Но идём вперёд. Это уже что-то.

Когда разошлись, Рико ехал медленно. Холодный поток обжигал щёки. Он оглянулся. Лиза стояла у тропинки, махнула рукой. Он крутанул педали. Впереди темнела улица. Ре-

ка была тихой. Свет ломался на ряби, скользил по воде грязным золотом. Рико прислонил велосипед к дереву и сел на берег. Достал дневник и открыл на последней странице. Ручка заскрипела. Слова ложились быстро, сбивчиво. Страх, сомнения, надежды — всё оставалось на бумаге. Чернила высыхали. Дыхание выравнилось. Плечи расправились. В голове — пустота и ясность. Впереди — трудные дни: директор, родители, Лина. Но сейчас, на берегу, было спокойно. Ветер шевелил волосы, охлаждал уши. Он сидел долго, перечитывал старые записи. Страницы пахли пылью и прошлым. Там было всё: потерянный, разбитый, загнанный. Сейчас — только холодный воздух и шум воды. Взял ручку. Подумал. Написал внизу:

«Я никогда не был так счастлив, как сегодня».

Смотрел на строку. Правдиво. И странно. Завтра вернутся напряжение, боль, страх. Пролистал дневник, скользнул взглядом по строчкам, написанным в отчаянии: «Тут только слёзы. Моя слабость. Надо становиться сильнее». Рико закрыл записи. Нужно было отпустить. Символически. Надел наушники. Включил трек. Мелодия заглушила шум города. Держал дневник в руках. Смотрел на воду.

— Прощай, — прошептал.

Размахнулся и бросил дневник в реку. Тяжёлая тетрадь ударилась о поверхность. Брызги рассыпались веером, бумага мгновенно намокла, пошла ко дну, кружась в водовороте, исчезнув под тёмной гладью. Рико наблюдал, пока круги на

воде не разошлись.

— Теперь это моё место, — сказал вслух. — Тут всё изменилось. Больше никогда не будет как прежде.

Сел на землю, обхватил колени. Музыка в наушниках звучала громко, но он её не слышал. Думал о будущем. Путь впереди нелёгкий. Но теперь был этот берег — место, где можно быть собой, где можно дышать. Раньше Рико считал, что сила — держать всё в себе, не показывать слабость. Теперь он видел: сила — не бояться быть уязвимым. Принимать ошибки. Идти вперёд, несмотря на страх. Потушил сигарету. Встал. Время домой. Если снова станет тяжело, он вернётся сюда, к воде, где оставил часть прошлого. Он сел на велосипед. В кустах у тропинки хрустнула ветка. Рико обернулся. Пусто. Только фонарь мигнул и погас. В луже у колеса отразился силуэт девушки в белом платье. Он поднял голову — никого.

«Учусь держать, но срывы губят кровь»

Прошло несколько недель. Рико гонял мяч с Серхио. Младший спотыкался, падал, вскакивал — смех разрывал пространство. Каждый удар мяча отзывался ярким эхом. Лиор стоял в стороне: капюшон натянут, наушники почти полностью глушили мир. Рико подбросил мяч.

— Эй, Лиор. Будешь капитаном?

Лиор снял один наушник.

— Капитаном? Ваше высочество готово на жертвы? Красную дорожку расстелешь?

— Играешь или нет?

Он подошёл.

— Ладно. Но правила мои.

Дети разбились на команды. Мяч закрутился по площадке, трещал под ударами. Лиор отдавал команды — громкий голос, сложные указания. Младшие отставали. Рико двигался свободно, корректировал ошибки движения. Счёт держался равным. Лиор рванул к мячу, зацепился за кочку и упал. Рико протянул руку, но Лиор отбросил её в сторону.

— Не надо жалости.

Встал, отряхнул колени. Игра продолжилась. Лиор действовал жёстко, удары чаще промахивались. Финальный

свист. 3:2. Команда Рико победила. Дети кричали. Лиор стоял в стороне, руки глубоко в карманах.

— Хорошо играл. Не твой день.

— Не надо утешений. — Лиор отвернулся. — Ты всегда идеален. Все тебя любят. А я... второй.

— Ты не второй. Другой. Мы братья, не соперники.

Лиор направился к скамейке. У дерева стояли Лина и Лиза. Лина смеялась, размахивалась руками. Лиза оставалась в стороне, скрестив руки. Лина подошла первой.

— Всё нормально после моего визита? Поверили, что я твоя мать?

— Поверили. Директор сказал гордиться такой «мамой».

— Не за что. Уже привыкла к роли.

Лина хлопнула его по плечу и отошла. Рико подошёл к Лизе.

— Привет.

— Привет. Сегодня настроение хорошее?

Серхио подбежал, сияя.

— Рико! Смотри!

В его ладони блеснул медальон — старый, покрытый пылью. Странная гравировка играла на солнце.

— Где нашёл?

— Под кустом. Красивый.

Лиза дотронулась до металла, отдернула руку.

— Что это было?

— Всё в порядке?

— Током ударило.

Рико перевернул медальон. На обратной стороне царапины складывались в знак — тот самый из сна.

— Это не просто медальон.

— О чём думаешь? — Лиза наклонилась ближе.

— С братьями скучать не придётся.

Лиор подошёл, выхватил медальон, вертел в руках.

— Она твоя девушка? Как зовут?

Лиза шагнула назад, лицо покраснело.

— Лиор, хватит. — Рико забрал медальон. — Не задавай вопросов.

— Просто интересно. Ты же её привёл.

— Лиза, это Лиор и Серхио. Ребята, это Лиза.

— Привет, Лиза! Поиграешь с нами? — Серхио улыбнулся.

— Привет. Не уверена.

Лиор скрестил руки.

— Так ты девушка или нет?

Рико шагнул вперёд, закрыв Лизу собой.

— Это не твоё дело. Хочешь, чтобы с тобой общались — научись вести себя прилично.

Лиор отошёл.

— Мне нужно идти. Лина, проводишь? — сказала Лиза.

Лина взяла её за плечо.

— Пойдём. Рико, увидимся.

Рико догнал их у выхода.

— Извини за Лиора. Он... сложный.

— Сложный? Как и ты?

— Работаю над этим. Не всегда легко.

— Иногда приходится подстраиваться.

— Я тоже должен быть кем-то, кем не являюсь.

— А что хотел бы делать? Без ожиданий?

— Помогать людям. Быть рядом, когда трудно.

— Благородно. Получится.

— А ты?

— Не знаю. Всё равно. И мне за это не стыдно.

— Совесть не мучает... Я не верю ни в людей, ни в себя.

— Ты помнишь, что там было написано? — Лиза говорила

тихо, но твёрдо.

— Верно. Ты бы написала то же самое. Вместе книгу писали бы. Нужно практиковаться.

— Боюсь, не получится.

— Начни. Остальное придёт.

Лиза улыбнулась, развернулась к Лине.

— Спасибо за сегодня. Было приятно поговорить.

— Мне тоже. Ещё встретимся?

— Увидимся.

Она ушла. Рико остался на площадке, сжимая медальон. Холодный металл чуть согревал ладонь, в нём отражалось солнце. В голове всплыло лицо Марии: улыбка, поддержка. В глазах Лизы было что-то знакомое — не внешне, а в глубине. Страх сжал грудную клетку. Мария ушла. Он ничего

не успел изменить. А если снова окажется бессильным? Рико сжал медальон — края впились в ладонь.

«Лиза — не Мария», — мысль прошла, холодная и ясная.

Он разжал пальцы, положил находку в карман и пошёл домой. Братья разошлись по комнатам. Дверь распахнулась — Серхио ворвался, не дожидаясь ответа.

— Рико, можно?

— Конечно.

Рико отложил книгу. Серхио забрался на кровать, ноги болтались в воздухе.

— Помнишь, как мы играли? Было здорово! А ты с Лизой разговаривал... Она тебе нравится?

— Лиза? Просто знакомая. Недавно познакомились.

— Но ты с ней говорил. И она улыбалась! Значит, нравишься.

— Не всё так просто, малыш. Люди улыбаются из вежливости.

— А у тебя есть мечта? У меня есть! Хочу стать футболистом, как по телевизору. А ты?

— Есть. Хочу стать священником.

— Священником? А это кто?

— Человек, который помогает. Слушает, даёт советы. Связывает людей с Богом.

— А зачем? Ты же помогаешь мне. Сейчас.

Дверь скрипнула. На пороге стоял Лиор, руки в карманах.

— Священником? Сидеть в церкви и рассказывать, как

жить?

— Не рассказывать. Помогать найти смысл. Поддерживать.

Лиор подошёл, сел на кровать рядом с Серхио.

— Ну да. Благородно. А кто поддержит тебя, когда заблудишься? И эта девочка... Похожая на Марию? Прячешь боль за иллюзиями?

Рико вскочил.

— Что ты сказал? Больше никогда не поднимай эту тему! Никто не заменит мне сестру. А ты... ходишь с лупой, ищешь доказательства моей вины. Я видел сон. Накануне. Я был такого же возраста, как Мартин. Бежал за ней по аэропорту. Но её уже не было.

Серхио прижался к спинке кровати. Лиор отвёл глаза.

— Рико... — начал он.

— Хватит.

Рико повернулся к окну, спина напряжена. Лиор встал и вышел. Дверь щёлкнула. Серхио остался сидеть неподвижно.

— Рико... Ты в порядке?

— Всё в порядке. Иногда бывает трудно.

Серхио подошёл и обнял его.

— Я верю в тебя. И Мария бы верила.

Рико обнял брата. Позже он постучал в комнату Лиора.

— Можно войти?

— Что нужно? Всё сказал.

— Не хочу враждовать. Мы братья.

— Братья? Ты ведёшь себя так, будто знаешь всё. Помогашь другим. А я... стою в стороне.

— Это не так. Ты не даёшь себе шанса.

— Легко говорить. Ты любимчик. Мама, Мария... Все любили. А я? В тени.

— Мария любила нас обоих. И мама.

— Может. Но ощущение другое.

— Не хочу, чтобы ты чувствовал себя так. Давай начнём заново.

— Мне всё равно. Делай, что хочешь.

Рико закрыл дверь и пошёл к себе. Следующая ночь. Крик. Мать выбежала из комнаты Серхио, лицо белое, руки дрожат.

— Рико! Срочно! У Серхио температура. Кашляет...

Рико ворвался в комнату. Серхио лежал: грудь дёргалась, лицо покраснелось, дыхание прерывистое, внутри — хрип.

— Это не простуда. Аптека не поможет. Врач. В больницу.

Глаза матери расширились.

— Но как? Отец в командировке. Ночь. Скорая...

Рико схватил ключи — металл звякнул.

— Я повезу.

— Ты уверен? Опасно. У тебя нет прав.

— Выбора нет.

Он поднял Серхио, завернул в одеяло. Мать побежала следом, сумка болталась на плече. Лиор и Мартин выглянули из окон — тени на стёклах. Рико сел за руль. Двигатель завёлся,

вибрации отозвались в ладонях. На вешалке — куртка. Из кармана торчала цепочка медальона. Холодный металл впивался в ладонь: ответственность на руках.

— Он справится? — спросил Мартин.

— Да, — Лиор, плечи опустились.

Фары прорезали ночь. Дождь или сырой асфальт отражал свет полосами. Руль дрожал, пальцы сжимали кожу. Сердце билось в такт мигалок. В зеркале заднего вида — мать прижимает Серхио. Лицо ребёнка красное, кашель рвёт грудь, воздух выходит хрипом.

«Не успеем?» — мысль пронзила, резкая, как удар молотком.

Рико стиснул зубы и резко выжал педаль газа.

— Мама, как он?

— Дышит... — кашель прервал слова. — Но хуже. Быстрее.

Перед поворотом машину занесло. Рико вывернул руль — кузов качнулся, визг шин рвал слух. Вмиг выровнялся.

— Осторожнее!

— Контроль. Почти приехали.

Больница всплыла из тьмы: белые стены, красная надпись «Приёмный покой». Рико затормозил. Двигатель заглох. Он выскочил, открыл заднюю дверь, выхватил Серхио на руки. Тело горячее, слабое. Мать рядом, держит одеяло. В приёмном покое свет резкий, люминесцентный.

— Бронхит. Температура. Шесть лет, — тараторила мать,

слова обрывались кашлем. — Дышать не может.

Медсестра нажала кнопку. Из кабинета вышел врач: белый халат, взгляд усталый. Послушал грудь.

— Острый бронхит. Лечение. Останется на ночь. Палата тринадцать.

Плечи матери опустились. Рико остался у стены. Ноги гудели, руки сжимали воздух, будто руль всё ещё в ладонях. Медальон холодил карман, вибрации сердца отражались в груди. Серхио уложили. Капельница защёлкала. Дыхание выровнялось. Мать села рядом, взяла ладонь сына и запела тихо, без слов. Рико остался в дверях. Сегодня он довёз. Спас. Коридор холодный, пахло спиртом и старой штукатуркой. Он отошёл к выходу. На улице — ночь, сырой воздух прилипал к коже.

— Учусь держать, но срывы губят кровь, — произнёс Рико.

Под фонарём — девушка лет двадцати. Дым сигареты таил в темноте, струился к мокрому асфальту. Рико подошёл.

— Можно сигарету?

Она обернулась — высокая, лицо бледное, тонкие запястья. На руке — больничная бирка.

— Мы не могли видеться раньше? — голос мелодичный.

— Лицо знакомое. Ты похожа на одну девочку из школы. Те же большие чёрные глаза.

— Ты про Лизу? Мою сестру?

— Виола? — Рико выпрямился.

— Да. А ты откуда знаешь?

— Я Рико. Из её школы.

Виола бросила сигарету на асфальт, раздавила каблуком

— резкий всплеск.

— Мне нужно идти.

Тень растворилась за углом, исчезла в ночи.

«И мир вокруг — как замкнутый запрет»

Май. Первое число. Коридор больницы. Рико стоял у окна. Мать говорила с врачом у поста. Дверь процедурного кабинета открылась — вышла девушка в белой накидке поверх платья, с биркой на запястье: Виола. Рико подошёл.

— Давно тут лежишь?

Виола обернулась.

— С марта. Как переехали.

— Что с тобой?

— Редкая группа крови. Есть проблемы.

— У меня тоже четвёртая отрицательная.

Глаза Виолы расширились. Она ушла, скрывшись за поворотом. Рико вышел на улицу, достал сигарету, закурил. Дым ложился в лёгкие. У подъезда стоял чёрный седан. Двигатель работал. Из машины вышли Лиза и двое взрослых. Лиза заметила Рико и подошла. Волосы собраны в две толстые косы до пояса, глаза огромные, холодные и притягательные.

— Привет. Что ты тут делаешь?

— Брата навещаю. Серхио, помнишь медальон? Его выписывают, почти здоров.

Он указал на взрослых. Они не шевелились.

— Ты нас не представишь?

Лиза представила:

— Это Белла, моя мама. А это Диего — мой папа. А это Рико, из моей школы.

Родители переглянулись.

— Вы к Виоле? Она только с процедур, будет рада вас видеть.

— Уже познакомились? — удивилась Лиза.

— Она говорит, что где-то раньше видела меня. И у нас одинаковая группа крови. Четвёртая отрицательная.

— У меня тоже, — улыбнулась Лиза.

— Значит, братья по крови, — заметил Рико.

Диего сделал шаг вперёд: высокий лоб, прямой нос, твёрдые линии рта. Прямая осанка, движения резкие, взгляд сканирует детали. Белла бросила через плечо:

— Курить вредно. И выбрось окурки.

Рико спрятал руку с сигаретой за спину. Белла достала телефон.

— Марта? Это Белла. Ты ещё работаешь в детской больнице? Проверь картотеку на мальчика с редкой группой крови, четвёртая отрицательная, зовут Рико. Перезвони, если найдёшь.

Диего спросил:

— Думаешь, это даст ответ?

— Нужно знать, о чём стоит беспокоиться.

Через несколько дней Серхио выписали. Врачи сказали, что поправится полностью, если следовать рекомендациям.

Мать не отходила от кровати: укладывала одеяло, поправляла подушку, успокаивала. Вечером вернулся отец. Чемодан стукнул о пол в прихожей. Он огляделся. Мать встретила его у двери, быстро рассказала: болезнь, больница, Рико за рулём, ночь в палате. Отец слушал молча, лицо непроницаемое. Рико стоял в стороне, ждал реакции. Взял машину без разрешения. Крика не последовало. Отец снял пиджак, повесил на вешалку.

— За стол.

Ужин. Любимые блюда на столе. Отец во главе.

— Пока меня не было, вы справились. Рико, — он обвёл всех глазами, — ты повёл себя как мужчина. Взял ответственность. Не испугался. Спас брата. Я горжусь.

— Спасибо, пап.

— Семья — самое важное. Держимся вместе. Помогаем друг другу. Не бросаем в трудную минуту. Рико показал, что готов быть опорой. Это правильно. Но вы — команда: Лиор, Мартин, Серхио. Поддерживайте друг друга. Как бы трудно ни было.

Лиор, обычно скептик, теперь внимательно слушал. Мартин улыбался во весь рот.

— Пап, а я тоже помог! Дал Рико талисман, чтобы повезло.

Отец погладил Мартина по голове.

— Молодец. Ты тоже часть команды.

Мать улыбалась, наблюдала за ними. После ужина отец

подошёл к Рико, положил руку на плечо. Ладонь тяжёлая, уверенная.

— Ты сделал всё правильно. Но поговорим о важном.

— Пап, я взял машину без разрешения, но выбора не было. Серхио нужна была помощь.

— Ответственность — это не только действовать в критический момент. Это ещё умение думать о последствиях. Ты рисковал не только собой. Но и матерью, и Серхио. Что, если бы что-то случилось на дороге?

— Я не мог сидеть сложа руки.

— В следующий раз звони мне сразу. Мы действуем вместе, как семья. Ты не должен брать всё на себя.

— Хорошо, пап. Постараюсь.

Отец улыбнулся, потрепал по плечу.

— Уже многому научился. Помни: семья — это команда. Всегда вместе.

Вечер перешёл в игру. Братья собрались в гостиной, расставили фигурки на столе. Лиор, обычно державшийся особняком, придвинул стул и взял кубики.

— Мой ход.

Рико смотрел на них. Команда.

Раннее утро. Свет серый. Рико спал. Сквозь сон доносились голоса через тонкую стену:

— София, нам надо серьёзно поговорить. Рико может догадаться. Он слишком много знает.

— Мне не о чем с тобой говорить, — ответила мать. —

Убегите прочь, пока Майкл не вернулся.

Шаги в прихожей. Дверь щёлкнула замком. Рико открыл глаза. Потолок с трещиной. Он сел, прислушался. В доме тихо. На кухне свет. Мать стоит у стола, руки на столешнице.

— Кто приходил?

София обернулась.

— Что?

— Кто был здесь? Я слышал голоса.

— Соседка. В семь утра. Срочно. Уже уехала.

Рико посмотрел на неё. Лицо бледное.

— Ладно.

Он развернулся и пошёл к себе. В комнате сел на кровать, посмотрел на руки. Закрыв глаза. Сон не приходил.

— Дурдом, — пробормотал Рико.

Несколько дней спустя. Рико шёл от школы. Ключи звякали в кармане. У подъезда — сизый, едкий дым. Лина и Виола стоят рядом, сигареты в руках. Виола заметила Рико — огонёк сигареты качнулся. Он замедлил шаг.

— Рико, подойди на минуту.

Он остановился, развернулся, подошёл. Виола шагнула навстречу, бросила сигарету, раздавила носком.

— Покажи запястье.

— Зачем?

— Просто покажи.

Рико закатал рукав. На сгибе — тёмная родинка. Виола вгляделась.

— Объяснений не будет?

— Ты похож на мальчика, — сказала Виола. — За которым я ухаживала в детстве. Он тяжело болел.

— Я плохо помню детство. Много болел. Клиническую смерть пережил. Даже рождение Мартина не помню.

Лина перевела взгляд с одного на другого. Пепел упал на ботинок — она стряхнула.

— Так вы знакомы?

— Он учится с Лизой, — ответила Виола.

— Да.

Виола закурила другую сигарету.

— Перепутала. Просто похож, — сменила тему.

— Лиза дома?

— Да. Приболела.

Рико шагнул в сторону.

— Если думаешь пойти к ней — это плохая идея, — крикнула Виола.

Он не ответил, ускорил шаг.

— Стой! — снова крик.

Рико обернулся.

— А ты догони.

Бег. Улица мелькает. Брусчатка стучит под ногами. В кармане вибрация. Он достал телефон. Сообщение от Лины: «Адрес, где живёт Лиза». Цифры: улица, дом. Закрытый район. Частный сектор. Ранний вечер. Рико остановился у калитки белого особняка. Колонны, дорогой камень, тяжё-

лые ворота. Он прислонил велосипед к стене. Двигатель за-
ревел внутри двора. Ворота разъехались. Тень машины на-
крыла тротуар. Белла за рулём, Диего рядом. Рико шагнул
в кусты — ветки царапали щёки. Машина свернула за угол.
Калитка осталась приоткрытой. Он отодвинул створку — ме-
талл скрипнул — и вошёл. Газон подстрижен, дорожка вела к
крыльцу. Лиза сидела на ступеньках, укутана в плед, несмотр-
я на тепло. Увидела Рико.

— Что ты тут делаешь? Как попал?

— Как самочувствие? — поднимаясь на крыльцо.

— Нормально. — Кашель сотряс плечи, глухой, лающий.

Рико шагнул ближе, коснулся лба. Кожа горела.

— Как лечишься?

— Отец говорит... лучшее лекарство — тренировка.

— Жди здесь.

— Куда? — Лиза хотела встать.

— Сидеть.

Он развернулся, сел на велосипед. Педали закрутились —
и он вылетел за калитку. Аптека на углу. Зелёный мигающий
знак. Рико взял сироп и жаропонижающее, расплатился. Па-
кет шуршал в руке. Обратно. Лиза сидела там же, плед сполз.
Рико протянул пакет.

— Возьми.

Лиза посмотрела на лекарства.

— Зачем?

— Пей по инструкции.

— Зачем ты это сделал?

— Потому что важно.

— Что важно?

— Ты.

Рико развернулся, пошёл к калитке. Гравий хрустел под ботинками.

— Стой! — голос Лизы.

Он остановился, не оборачиваясь. Шлёпанцы по камню — рука коснулась плеча, развернула его. Лиза стояла близко. Поцеловала в щёку, вложила в ладонь бумажку.

— Спасибо.

Развернулась, пошла к дому. У двери остановилась.

— В следующий раз, перед тем как вламываться, — звони.

Дверь закрылась. Рико разжал ладонь. Цифры на клочке спрятал в карман. Вышел за ворота. Велосипед ждал. Поехал. Ветер бил в лицо. Дорога домой казалась короче.

Вечер. Комната. Телефон светился в темноте.

— Как самочувствие? — набрал Рико.

Ответ пришёл быстро:

— Лучше. Принимаю тайком, чтобы родители не видели.

— Скучаю без тебя в школе. Встретимся?

— Родителей не будет завтра. С десяти утра. Но ты же в школе.

— Не буду.

— Прогуляешь?

— Решено.

Телефон лёг на тумбочку.

Следующий день. Десять утра. Рико стоял у ворот особняка. Ворота скрипнули — Лиза вышла в светлой блузке и юбке, на шее тонкая цепочка.

— Заходи.

Внутри пахло воском и кондиционером. Холл: мраморный пол, лестница с коваными перилами, картины в тяжёлых рамах. Плазменный телевизор в гостиной, компьютер с большим монитором. Всё дорогое. Всё чужое.

— Подожди здесь, — Лиза скрылась в двери слева.

Вскоре вернулась, держа на руках девочку лет четырёх. Прямые чёрные волосы, большие глаза — точная копия Лизы, только меньше.

— Это Агата. Моя сестра.

Рико протянул палец. Агата сжала его крепко.

— Привет.

Они играли на ковре. Рико строил башню из кубиков, Агата подавала детали.

— Красный.

— Почему?

— Красивый.

Башня росла, Агата хлопала в ладоши. Когда конструкция стала шаткой, прижала палец к губам.

— Тсс. Тише.

Он задержал дыхание. Она аккуратно поставила последний кубик.

— Всё!

И тут же разрушила башню. Смех заполнил комнату. Потом машинки.

— Би-бип! Едет! — Агата толкала игрушку к нему.

— Лови! — Рико делал вид, что чуть не уронил.

— Упала! — она дула на колёса. — Дую. Всё.

Лиза наблюдала, улыбалась. Агата протянула игрушку Лизе. Вместе строили гараж из подушек.

— Дверь, — указала Агата. — Машина там.

— Глазки, — ткнула пальцем себе в глаз, потом в его. — Как у Лизы.

— Да, — согласился Рико. — Как у Лизы.

Агата обняла его за ногу, прижалась щекой.

— Уходишь?

— Хотел бы остаться, — Рико погладил её по голове.

Снаружи — звук двигателя и хлопок двери. Лиза побледнела.

— Они раньше.

— Прячься.

Она толкнула его в шкаф. Темнота. Запах старой шерсти и пыли. Щель в дверцах открывала вид на прихожую и гостиную. Диего и Белла вошли. Тяжёлые шаги.

— Где ты была на тренировке? — голос Беллы.

— Мне плохо... — голос Лизы.

— Плохо? — Диего снял пиджак. — Болезнь — это слабость. Ты должна быть сильнее.

— Я принимала лекарства...

— Тайком? — Белла шагнула ближе. Тень накрыла Лизу.

— Мы платим за врачей, за тренировки. А ты прячешься?

— Я просто...

— Никаких «просто». Ты представляешь семью. Если ты слабая — мы слабые.

Агата заплакала — громко, непрерывно.

— Уведи её, — бросил Диего.

Лиза забрала ребёнка и ушла. Шаги родителей удалились на кухню. Рико открыл дверцу шкафа, подошёл к окну гостиной. Рама деревянная, тяжёлая. Открыл: сад внизу, зелёная трава.

— Ты куда? — Лиза появилась в дверях.

— Отсюда. Чтобы не было проблем.

— Это второй этаж.

— Справляюсь.

Он перевалился через подоконник, нашёл опору для ног. Снизу его увидела Агата. Девочка стояла у окна, прижав ладони к стеклу.

— Не уходи! — крикнула.

Рико остановился на подоконнике. Агата била маленькими кулачками по стеклу.

— Стой! Играй! Ещё!

— Рико... — Лиза схватила его за руку.

— Позвоню, — пообещал он.

Спустился, прыгнул на газон. Ноги пружинисто согну-

лись. Агата всё ещё стояла у окна, плакала. Волосы прилипли к щекам, плечи вздрагивали. Махала рукой — прощалась.

— До свидания, Агата!

Она что-то крикнула, не разобрать. По губам прочитал: «Вернись». Вверху плач не стихал. Белла вышла на крыльцо, посмотрела на дочь, потом на окно. Подошла ближе, увидела Рико. Рико бежал к калитке.

— Стой! — крик Беллы.

Не остановился. Ворота распахнулись. Белла выбежала на улицу.

— Ты! Вернись! Ты как сюда вообще попал?

— Я полтергейст, — ответил Рико. — И брат по крови.

— Ты ещё хамить вздумал? Шпионишь? Хочешь навредить?

— Я хотел помочь.

— Помочь? — Белла шагнула ближе. — Ты ничего не знаешь. Уходи. Немедленно.

Диего вышел следом. Лицо каменное.

— Белла, хватит.

Посмотрел на Рико.

— Ты слышал её. Исчезни. Если увидим рядом снова — вызовем полицию.

Рико сжал руль. Металл холодный.

— Она человек. Не инструмент.

Потом, уже тише, словно говоря сам с собой, он добавил:

— И мир вокруг — как замкнутый запрет.

Развернулся, нажал на педали. Колёса застучали по асфальту. Рико не оборачивался.

Школьный поход в кинотеатр. Старшие и средние классы рассаживались по списку. В темноте контроль ослаб. Рико сидел на переднем ряду — выпускники. Лиза — несколькими рядами выше. Между ними проход, заполненный рюкзаками и ногами. Правило простое: не вставать, не переговариваться. Учителя дежурили у выходов. Светящийся циферблат часов показывал 13:15. Фильм шёл около часа. Рико поднялся, согнулся в три погибели, двигался вдоль ряда — тень среди теней. Кто-то хихикнул.

— Тихо. Или завтра проспонсируешь мой обед.

Смех стих, головы отвернулись. Рико пополз дальше, джинсы шуршали по ткани кресел. Добрался до её ряда. Лиза сидела прямо, не шевелясь. Он присел на корточки — у её колен, в проходе. Места не было, но нужно было быть ближе. Лиза наклонилась, волосы коснулись его лица.

— Ты сумасшедший.

— Свой диагноз я знаю. Но так лучше.

— Учителя увидят.

— Пусть смотрят. И запоминают.

Соседка Лизы подвинулась.

— Место есть. Только тихо.

Рико пересел. Теперь они сидели плечо к плечу. На экране герои кричали, бегали, стреляли — звук бил по ушам. Рико расслабил плечи.

— Как дома?

— Тише. После твоего ухода... Отец молчал два дня.

— А потом?

— Двойная тренировка.

Рико сжал подлокотник.

— Прости.

— Не извиняйся. — Лиза положила руку на его ладонь.

— Лучше сиди тихо.

Они молчали. Ночи без сна, споры с отцом — всё накопилось разом. Голова Лизы склонилась к его плечу. Рико обнял её свободной рукой, прижал ближе. Экран мерцал — свет выхватывал их лица: спокойные, без масок. Диктор замолчал, титры поползли вверх. В зале зажёгся свет — резкий, люминесцентный. Класс ахнул, потом — смешок. Лиза спала на плече Рико, он держал её, голова склонена к её волосам. Они открыли глаза одновременно. Смех накрыл зал волной.

— Вот это любовь!

Учительница литературы, строгая женщина в очках, шла по проходу.

— Что здесь происходит?!

Рико встал, помог Лизе подняться.

— Извините. Устал.

— Устал? — Она ткнула в его грудь. — Школьное мероприятие — не спальня! Позорите класс!

Лиза стояла рядом.

— Мы не специально.

— Вон из зала! И завтра родители у директора!

Рико взял Лизу за локоть.

— Пошли.

За дверью зала смех стих. В коридоре тихо, пахло пылью и старой краской. Лиза прислонилась к стене.

— Родители...

— Разберусь.

— Ты всегда так говоришь.

— И всегда разбираюсь.

— Спасибо, что пришёл.

— Всегда приду.

— Пошли. Пока не вызвали охрану.

Они шли к выходу, спины прямые. За дверью зала гремели стулья, голоса сливались в гул. В коридоре были только они. Это было важнее любого фильма. Выговор забылся через день. Директор поверил, что это недоразумение — родителей даже не вызывал. Рико заверил, что это последний раз, и ответственность на нём. Началась подготовка к экзаменам.

«Мы сблизились — и стало легче в нём»

Рико проснулся в холодном поту. Сон держал его: из груди росло дерево, его ветви ломались, но не падали, сопротивлялись времени. Листья колыхались внутри, тихо шурша, а Лиза появилась, улыбнулась, протянула руку — и исчезла. Он сидел на холодном бетоне, ноги касались пола. Отголоски сна проникали в его тело, и сердце, будто часть этого дерева, билось в ответ. «Просто сон», — прошептал он себе. Но внутри было что-то большее, невообразимое. Отец вошёл — тень на его лице.

— Рико, Лиора я отвезу. Серхио в садик сводишь?

— Справлюсь.

Рико оделся, взял Серхио за руку. Серхио болтал о планах на день, а Рико едва слышал его. Мысли возвращались к дереву, к Лизе, к тем ветвям, что растут в груди. У садика их остановили трое взрослых — лица напряжённые.

— Это твой брат? — Мужчина ткнул в Серхио пальцем.

— Он украл игрушку?

Серхио всхлипнул, а взрослые продолжали кричать.

— Я не вор! Это моё!

Рико шагнул вперёд — как камень, который падает в воду.

— Хватит, — его голос был твёрд.

Мужчина скривил губы в усмешке, но она быстро исчезла, когда Рико поднял камень с земли. Он держал его крепко — тяжёлый, шершавый, готовый разорвать воздух.

— Ты берега попутал? — Мужчина напрягся. — В больницу с этим камнем хочешь?

Рико даже не сбавил шага.

— Я только что от врача.

— От какого?

— От психиатра, — холодно ответил Рико.

Камень вырвался из его рук и глухо ударился об асфальт. Лица взрослых побледнели, они отступили, пробормотали что-то и ушли. Серхио прижался к его ноге, слёзы катились по щекам.

— Спасибо, Рико. Я не вор.

— Не слушай их. Ты хороший. Всё будет в порядке, — Рико обнял брата.

Они пошли дальше — пульс глухо отдавался в висках. Мысли о дереве и Лизе не отпускали. Сегодня экзамен. Забыл совсем — поглощён мыслями о семье и защите. Аудитория встретила их молчанием. Алекс сидел за партой: уголки губ тянулись в самодовольной усмешке.

— Ну что, философ, готов? Или снова размышления будешь писать?

Рико промолчал. Алекс разложил шпоры на руках, шее и даже в носках. Экзамен начался. Тишина. Каждый звук — скрип ручки, шорох бумаги — был слышен отчётливо. Ри-

ко писал быстро, уверенно. Литература была его стихией, и каждый ответ выходил легко. Алекс тем временем нервничал. Его взгляд метался по комнате, сверлил страницы. Он поднял руку, встал и, едва не поскользнувшись, направился к двери. Но, споткнувшись, шпоры вывалились из карманов. Листочки рассыпались по полу, как снег на ветру. Преподаватель поднял бровь.

— Что это у тебя?

— Не моё! — в голосе Алекса звучала паника.

Поздно. Преподаватель махнул рукой. Алекс вернулся к парте — лицо покраснело от стыда. Он сжал кулаки. Рико тихо написал ответы на листочке и передал их незаметно. Алекс взглянул на него и, едва сдерживая радость, переписал. Победа казалась близкой, но Рико видел фальшь в этом успехе. Странное удовлетворение возникло внутри, но оно было пустым, как победа в игре без правил. Экзамен закончился. Мысли Рико возвращались к дереву, к Лизе, к тому, что он готов защищать. Каждое движение, каждое слово теперь было его заданием, его путём. Через несколько дней у школы собрались узнавать оценки. Шум, смех, обрывки разговоров. Кто-то радовался, кто-то спорил с учителями. Рико держался в стороне. Высший балл. Резкий голос прорезал двор:

— Как? Этого не может быть!

Алекс. В руках — лист с результатом: ноль.

— У меня должно быть восемь баллов! За два задания!

Из толпы вышел учитель:

— Решения верные. Формулировки совпадают с работой Рико. Полностью. У него в этих заданиях ошибка. Такая повторяется только при копировании.

Алекс подошёл быстро. Плечи напряжены.

— Ты меня подставил. Специально дал неверные ответы. Рико не отвёл глаз:

— Ты высмеивал чужие мысли. Потом решил их присвоить. Я дал тебе шанс.

Алекс шагнул ближе, рука пошла вверх. Из толпы вышел мужчина, перехватил его запястье. Резкое движение — и рука опустилась.

— Хватит. Ты уже всё показал.

Алекс замолчал. Стоял неподвижно, затем развернулся и пошёл за отцом. Перед уходом бросил взгляд — тяжёлый. Двор снова загудел. Рико остался один. Ясность вместо радости. Он посмотрел на здание школы. Лето началось.

На следующий день класс собрался во дворе для фотографии. Ряды выстроились быстро: кто ниже — впереди, выше — сзади. Смех, шутки, суета. Девчонки поправляли волосы, кто-то толкал соседа локтем. Фотограф поднял камеру:

— Ближе друг к другу. Улыбка.

Щелчок. Ещё один.

— Руки вверх.

Шары взлетели в кадр. Смех стал свободнее, движения — легче. Фотограф опустил камеру:

— Теперь можно по желанию. Кто с кем хочет.

Группы рассыпались и собрались заново: друзья, пары, случайные компании. Рико повернулся к Лизе, протянул руку:

— Пойдём.

Она вложила ладонь в его:

— Пойдём.

Они отошли к старой липе. Тень от ветвей ложилась неровными пятнами. Фотограф заметил их, подошёл:

— Смотрите друг на друга.

Они повернулись. Рука в руке. Без движения.

Щелчок.

— Ещё один, — сказал Рико. — Без улыбки.

Фотограф не стал возражать. Второй кадр вышел тише: без позы, без игры. Просто два человека, которые стоят рядом и не спешат это менять.

— Готово.

Лиза коснулась его плечом. Рико сжал её руку.

— Спасибо.

— За что?

— За это. За этот маленький мир. Мы сблизились — и стало легче в нём.

Она не ответила. Осталась рядом. Экзамены закончились. Двор пустел. Рико и Лиза стояли у крыльца.

— Всё, — сказала Лиза. — Больше никаких ночей с конспектами.

— И никаких споров дома?

Она улыбнулась:

— Это не отменяется.

— Тогда добавим в список что-то своё.

— Например?

— Река. Мороженое. Без разрешения.

Она засмеялась:

— Подходит.

Они смотрели, как двор постепенно пустеет.

— Пойдём?

— Пойдём.

Жара стояла белая. Асфальт отдавал тепло через подошвы. Через несколько дней Лиза уехала — сборы, другой город. Решение приняли за неё. Вечерами они обменивались сообщениями:

«Матч. Проиграла».

«Тренер кричал».

«Море рядом. Смотреть можно. Войти — нет».

«Здесь тихо».

Рико отвечал коротко: фото реки, строки из книг, иногда — одно слово. Сообщения становились важнее самих слов. Расстояние не ослабляло связь — убирало лишнее. Оставалось только то, что не требует объяснений.

«Ты — первый свет, зажжённый в сердце днём»

13 июля. Вечер. Рико не загадывал желания. Он выпустил воздух, и пламя погасло, оставив запах парафина и гари.

— Семнадцать. — Майкл произнёс это слишком громко. Бокал, поставленный на стол, звякнул, как удар молоточка по вискам. — Уголовная ответственность. Полная.

София оглянулась, её рука с ножом остановилась, и лезвие скользнуло по тарелке, оставив царапину.

— Майкл, позже... — она осеклась.

Отец не слушал. Он повернулся к Рико. В полумраке его лицо выглядело как маска. Тени скрывали глаза.

— Сын моего партнёра в твои годы уже на складе работает. Грузчиком. Семью кормит. А ты что?

Рико сжал вилку. Металл врезался в ладонь, вилка начала гнуться. Он разжал пальцы, стряхивая боль.

— Я учусь, пап.

— Учишься... — повторил отец. Короткий смешок — сухой, как треск ветки. — На священника? Церковь накормит? Это мужская профессия?

— Это моё дело.

— Твоё дело — семья. — Майкл ударил по столешнице. Посуда подпрыгнула, звон разрезал тишину. — Быть опорой.

Зарабатывать. А не прятаться от жизни.

— Я не прячусь!

— Докажи. Хватит мечтать, пора спуститься на землю.

София опустила нож. Она знала: одно слово — и этот вечер закончится пожаром. Рико отодвинул тарелку. Нетронутый кусок торта лежал среди крошек, словно молчаливое обвинение.

— Я не голоден.

Стул скрежетнул по полу.

— Рико, — в голосе отца зазвучал металл, — сядь.

— Я сказал, не голоден.

Рико развернулся. Он чувствовал на спине взгляд отца, тяжёлый, как рука, прижатая к лопаткам.

— Если уйдёшь — не возвращайся до утра.

Дверь хлопнула за ним, отделив его от семьи, от дома, от прошлого. Всё сжалось, исчезло. На улице был влажный жар. Асфальт отдавал накопившееся за день тепло. Рико остановился у своего велосипеда, но не поехал. Смотрел на окна квартиры. Только в гостиной горел свет. Там остался отец. Город плыл мимо: огни витрин, редкие прохожие, тени деревьев. Он не думал, куда едет — ноги сами выбрали путь. Река. Берег пустой. Камыши шумят под ветром, вода чёрная, отражающая редкие звёзды. Рико бросил велосипед в траву, сел на песок и достал из кармана фотографию — уголок загнулся. Мария. Голубые глаза смотрят с пожелтевшей бумаги, улыбка лёгкая, беззаботная.

— Почему ты ушла? — прошептал он.

Ветер унёс слова, не оставив следа. Он провёл пальцем по её лицу, ощущая шероховатость бумаги. Семнадцать лет с ней. Шесть без неё. Положил фото обратно, прижимая его к груди. Шаги позади. Хруст веток. Рико не обернулся — узнал эту походку. Лиза села рядом, не спросив разрешения. На ней спортивная ветровка, косы туго стянуты, чёрные, блестящие даже в темноте.

— Я знала, что ты здесь.

— Откуда?

— Ты писал. Про реку. Про тишину. Забыл, что рассказывал?

— Ты же на сборах.

— Вернулась. Тренер сказал, что теряю форму.

Лиза поджала колени и обняла их руками.

— Отец ждёт?

— Да. Орал. Как обычно.

Только шум воды.

— Поздравляю. Семнадцать — это серьёзно.

— Спасибо.

— Есть желание?

— Исполняются только те, что вслух.

— Тогда загадай.

Рико посмотрел на воду.

— Хочу, чтобы кто-то понял. Без слов.

Лиза чуть наклонила голову в знак согласия.

— Я понимаю.

Она взяла камешек, бросила в реку — круги пошли по чёрной глади.

— Мои тоже не слышат. Они видят только теннисистку. Не меня.

Рико молчал.

— Знаешь, — Лиза повертела камешек в пальцах, — пока я была там, читала твои сообщения. Ты пишешь честно.

— Это опасно.

— Это редко.

Она сдвинулась ближе. Плечо коснулось его плеча. Тепло через ткань ветровки.

— Спасибо, что отвечал. Там было одиноко.

Гнев на отца остался там, на берегу. Здесь — только вода и она.

— Я тоже скучал.

Лиза улыбнулась — едва заметно.

— Проводишь? Уже поздно.

— Конечно.

— На велосипеде места нет.

— Придумаем.

Они поехали медленно. Рико крутил педали, Лиза сидела на багажнике, руки на его плечах. Ветер путал волосы, смех Лизы звенел в ушах — высокий, редкий.

— Осторожно на повороте!

— Держись крепче!

Улица Лизы тихая — частный сектор, высокие заборы. У ворот стояла машина. Фары выключены, двигатель работал. Диего стоял у калитки. Руки скрещены, лицо в тени. Рико затормозил. Лиза спрыгнула.

— Где ты была? — голос отца низкий, ровный, страшный в своей тишине.

— Гуляла.

— С ним? — кивок в сторону Рико.

— Это Рико. Он проводил.

Диего шагнул вперёд. Свет фонаря упал на лицо — глубокие морщины у глаз.

— Тренер звонил. Ты пропустила тренировку.

— Я устала.

— Усталость — это слабость.

Рико снял ногу с педали, остановился рядом с велосипедом.

— Она человек. Не робот.

Диего медленно повернул голову. Взгляд прощупывал, выискивал слабинку.

— Ты кто такой, чтобы учить меня?

— Друг.

— Друг не водит мою дочь по ночам.

— Я её защищал. От вас.

Воздух между ними загустел, стал вязким.

— Диего, — раздался голос из машины. Тихий, твёрдый. Отец Лизы сжал челюсть. На скулах заиграли желваки. В

его взгляде не было угрозы. Только холодный расчёт.

— Уходи. Сейчас. Если увижу тебя рядом с ней снова — пожалеешь.

Рико выпрямился, расправил плечи.

— Вы сейчас прямо как мой отец. Слово скажете — и ты уже никто. Думаете, это сила?

Диего отшатнулся. Маска неприкосновенности дала трещину, в глазах мелькнула растерянность. Он ожидал вспышки гнева, крика, оправданий — но вместо этого столкнулся с холодным зеркалом, в котором отразилась его собственная тактика.

— Ты не знаешь своего отца, — процедил Диего сквозь зубы.

— Я живу с ним семнадцать лет. Я знаю, как это работает. Ломает всех вокруг. Вы ломаете её. И себя вместе с ней.

Диего открыл рот, но слова не шли. Он смотрел на этого мальчишку, который говорил с хладнокровием взрослого, и увидел в нём собственное отражение — жёсткое, бескомпромиссное, безжалостное.

— Уходи, — голос отца Лизы изменился. Твёрдость ушла, прозвучала усталость. Это была не угроза — признание поражения.

Рико сделал шаг назад.

— Лиза, позвоню.

Машина скрылась за поворотом, оставив облачко пыли и затихающий гул мотора. Рико постоял, глядя вслед. Потом

развернул велосипед и покатил к дому. В ту же секунду Диего, не глядя на жену, уже нажимал кнопки на телефоне, вызывая начальника охраны спорткомплекса.

— Сальваторе? Это Диего. Завтра у корта моей дочери — усиленный пост. Ни один человек не должен приблизиться без моего ведома. Особенно один парень... Я отправлю фото. И ещё — свяжись с директором школы. Пусть предупредят учителей: никаких записок, никаких частных разговоров без нашего разрешения. Всё должно быть под контролем.

Белла смотрела на дорогу, по которой исчезла машина. В стекле заднего окна отражались огни уличных фонарей, дробясь на тысячи осколков.

— Ты думаешь, это поможет?

— Нет. — Диего опустил телефон на колени. Он смотрел вперёд, в темноту. — Но он должен понять границы.

Праздник закончился. Рико чувствовал это, зайдя в свою квартиру. Свет в гостиной был выключен. На кухне тускло горела лампа, отбрасывая длинные тени на стены. Мать сидела за столом неподвижно. В руках коробка в простой обёрточной бумаге, помятой по углам.

— Вернулся.

Рико снял куртку, повесил её на крючок. Движения чёткие, отработанные.

— Да.

— Подойди.

Он подошёл. Мать протянула коробку. Рико развернул бу-

магу. Внутри оказалась рамка. Фотография. Семья. Год назад. Улыбка матери на снимке яркая, беззаботная. Мария в центре: голубые глаза сияют. Отец улыбается — редко, но искренне. Лиор, Серхио, Мартин — все рядом. Рико стоит чуть в стороне, но рука Марии лежит на его плече.

— Я нашла в альбоме. Ты помнишь этот день?

— Помню.

— Она гордилась бы тобой, Рико. Не тем, кем хочет видеть отец, а тем, кто ты есть.

Рико взял рамку. Дерево было тёплым.

— Спасибо, мам.

Мать встала, обняла его. Пахло ванилью.

— Иди спать. Завтра будет новый день.

Рико направился в свою комнату. По пути заглянул в комнату Серхио. Брат спал, рот приоткрыт. На тумбочке — листок. Рико взял рисунок: кривые линии, семья за столом. В центре — фигура повыше: Рико. Подпись крупными буквами: «С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ. ТЫ ЛУЧШИЙ». Он положил рисунок обратно. В своей комнате Рико лёг на кровать, посмотрел на потолок и достал телефон. Сообщение от Лизы: «Доехал?» Ответил: «Да. Спокойной ночи». Положил телефон на тумбочку и закрыл глаза. Оставалась тяжесть. Семнадцать лет.

Раннее утро. Рико миновал заброшенный пустырь и пошёл к знакомой калитке спорткомплекса. Он замедлил шаг. У входа стоял незнакомец в тёмной униформе. Нашив-

ка охраны на рукаве. Мужчина прислонился к столбу, дымил сигаретой. Его взгляд зацепился за Рико.

— Чего надо?

— Я к Лизе. Она на тренировке.

Мужчина скривил губы, стряхнул пепел на асфальт.

— Здесь нет никакой Лизы. Посторонним вход закрыт. Распоряжение директора.

Рико сделал шаг вперёд, пытаясь разглядеть что-то за забором. Охранник выдвинулся вперёд, перекрывая проход.

— Уходи. Или вызову наряд?

Рико отступил. Он развернулся и зашагал прочь. Позади раздался глухой стук калитки — кто-то провернул замок изнутри. Вечером Рико получил сообщение от Лизы: «Мне запретили выходить одной даже в магазин. Только с мамой или с охранником. Это ты?» Он ответил: «Я. Теперь будем умнее». Рико бродил по городу, обдумывая план. Если главный вход под охраной, нужно искать другой путь. На следующее утро Рико подошёл к спорткомплексу с другой стороны — к заднему фасаду. Он миновал штабеля старых ящиков и увидел покосившуюся дверь — чёрный ход спорткомплекса. Улица была пуста. Он толкнул дверь — та скрипнула, но поддавалась. Внутри пахло сыростью и резиной от старых матов. Рико скользнул внутрь, прижался к стене, прислушался. Где-то вдалеке раздавались глухие удары мяча о покрытие корта.

— Мяч не виноват.

Лиза обернулась.

— Ты чего здесь?

— Гулял. Увидел светлую голову.

— Смешно. Давай потом поговорим. Мне нужно тренироваться.

— Ты не тренируешься. Ты себя наказываешь.

Лиза остановилась, ракетка опустилась.

— Тренер сказал: либо результат, либо домой. Отец сказал: либо золото, либо забыла про школу.

— А ты что хочешь?

— Не знаю.

Она села на скамейку у корта, опустила голову. Рико перелез через ограждение, шагнул на покрытие и поднял мяч.

— Давай ещё раз.

— Ты же не умеешь.

— Зато вижу со стороны.

Он встал напротив, подбросил мяч легко.

— Не бей со всей силы. Просто коснись.

Лиза подняла ракетку. Удар — мяч перелетел через сетку чётко, в линию.

— Видишь? — Рико поймал отскок. — Ты думаешь об ошибке, а не об ударе.

Лиза посмотрела на него.

— Они ждут идеала.

— Идеалы скучные.

Он подбросил мяч:

— Бей.

Она ударила — ещё раз, ещё. Рико следил за траекторией мяча: жёлтый круг летал между ними — вверх, вниз. Ни требований отца, ни скучных бумаг, ни приказов тренера. Только мяч и ритм. Лиза перестала суетиться — движения стали легче, удары глубже.

— Левую ногу вперёд. Не думай о точке попадания. Смотри на мяч.

Она послушалась — удар вышел чистым. Звук изменился: стал звонким, резким. Лиза улыбнулась — коротко.

— Получается.

— Потому что перестала бояться промахнуться.

Они играли десять минут — без счёта, без правил. Проблемы отступили на второй план. Он помогал ей найти спокойствие, а она возвращала ему уверенность. В этом обмене не было слов — только движение. Лиза пропустила мяч — он отскочил в сторону. Она оперлась на ракетку, дышала часто.

— Спасибо. Не говори никому.

— Кому?

— Что я слабая.

— Ты не слабая. Ты просто живая. Ты — первый свет, зажжённый в сердце днём.

— Иди домой, Рико. Меня будут искать.

— Позвоню.

— Не стоит. Отец проверяет телефон.

Рико перелез обратно через сетку. Уходил, не оборачиваясь.

Рико вернулся домой. Отец сидел в гостиной — не в кресле, как вчера, а за столом. Бумаги разложены веером: калькулятор, ручка, пепельница, полная до краёв.

— Где был? — не поднял головы.

— Гулял.

— Гулял, — повторил отец, не отрываясь от бумаг. — Вчера ты сбежал со дня рождения. Сегодня прогуливаешь время.

— Я не прогуливаю.

— А что ты делаешь? — Отец посмотрел на него. Взгляд холодный, оценивающий. — Мне предложили место для тебя. На складе. Помощником.

— Я учусь.

— Учишься на что? На воздух? — Отец повернулся. — Семнадцать лет. Ты должен думать о хлебе. О семье. А ты играешь в игры с жизнью.

— Это не игра.

— Всё, что не приносит денег, — игра.

Рико шагнул вперёд.

— Я найду способ. Сам.

— Сам? — В голосе отца прозвучала ирония. — Ты даже машину угнать не смог без риска. Что ты можешь сам?

Рико сжал кулаки, разжал.

— Я найду работу. Не на складе.

— Когда?

— Скоро.

— Если не найдёшь — забудь про университет. Будешь работать там, где скажу.

— Понял.

Он развернулся и вышел. Дверь хлопнула. В коридоре пахло пылью и старой бумагой. Улица встретила Рико вечерней прохладой. Он шёл быстро, не думая о направлении. Возле дома стоял знакомый силуэт — Лина, со стаканом кофе в руке. Увидела его.

— Выглядишь так, будто мир рухнул.

Рико остановился.

— Почти.

Лина протянула стакан.

— Держи. Горячий.

Рико взял стакан — картон обжигал пальцы.

— Он хочет отправить меня на склад.

— И что ты?

— Я сказал, что найду сам.

Лина выпустила дым.

— У меня есть вариант. Кафе неподалёку — нужен официант на вечер. График гибкий, оплата наличными. Я там менеджером работаю, помогу устроить.

Рико приподнял бровь.

— Официантом? Я не умею.

— Научишься. Тарелки не бей, улыбайся чаще.

— Это серьёзно?

— Абсолютно. Завтра можешь начать.

Рико посмотрел на кофе — чёрная жидкость плеснулась о край стакана.

— Зачем ты помогаешь?

— Потому что ты не должен ломаться. Твой отец... Он так воспитан. Давит, потому что боится. Но ты не обязан гнуть-ся. Завтра пойдём знакомиться с управляющим.

Лина потушила сигарету о стену, улыбнулась.

— Прорвёмся.

Она толкнула его локтем и развернулась к подъезду.

— Кофе допей, остынет.

Рико остался. Стакан грел ладонь. Он посмотрел на окна своей квартиры — свет горел только у отца. Сделал глоток — горько.

Следующее утро. Рико открыл ящик. Внутри лежал плотный белый конверт с логотипом университета в углу. Он провёл пальцами по бумаге, сунул конверт во внутренний карман куртки — ближе к рёбрам. Там же лежало направление на медкомиссию: кафе, официант, полставки. Лина договори-лась. Управляющий сказал: «Через три дня приноси справку. Если здоровье позволит — выходи на смену». Рико сорвал пломбу, развернул лист. «Поздравляем... зачислен... факультет журналистики». Он перечитал. Журналистика: писать, говорить, быть услышанным. То, о чём он мечтал годами. То, что отец называл «воздухом». Впервые за

неделю он забыл про ультиматум отца, про склад, про деньги. Получилось. Школа пустела. Коридоры гулкие, пахли пылью и старой побелкой. В секретариате выдали документы без вопросов.

— Поздравляем. Лучшие результаты по литературе за пять лет.

Рико принял папку.

— Спасибо.

Папка с бумагами тяжела — угол врезался в ладонь. Он вышел на улицу. По пути домой его внимание привлёк спортивный комплекс. Звук ударов мяча о покрытие доносился из-за забора, глухой и ритмичный. Рико остановился. Через щель в ограждении видно корт — Лиза. Волосы собраны, ни пряди не выбилось. Она не замечала ничего вокруг — только мяч, только сетка. Лицо сосредоточенное, брови сведены. Она ударила сильно — мяч улетел за линию. Лиза опустила ракетку, подняла голову. Взгляд упёрся в щель ограждения. Увидела его. Рико не ушёл. Присел на скамейку в тени дерева и стал ждать. Тренировка закончилась. Лиза вышла через калитку, вытерла лицо полотенцем. Белла вышла из салона автомобиля: строгий костюм. Увидела Рико, шагнула навстречу и перегородила путь к дочери.

— Ты опять здесь? — голос тихий, холодный. — Я думала, мы всё обсудили.

— Я просто забрал документы из школы. Проходил мимо.

— Мимо? — Белла скрестила руки. — Ты каждый раз хо-

дишь мимо, когда она тренируется.

— Совпадение.

— Не верю. — Она сделала шаг ближе, тень накрыла его.

— Тебе не стоит приближаться к Лизе. Ты отвлекаешь её. Она должна думать о спорте, о будущем. А не о... — Белла запнулась, скользнула взглядом по нему, — о мальчиках.

— Я не мешаю.

— Ты уже мешаешь. Уходи. Сейчас.

Рико посмотрел на Лизу: она стояла за спиной матери.

— Понял.

Развернулся и пошёл вдоль забора. Белла смотрела в спину, пока он не свернул за угол. Рико обошёл здание. Сзади — служебный вход: дверь приоткрыта, замок давно сломан. Он протиснулся внутрь. Коридор пустой, пахло резиной и потом. Голоса доносились из холла. Рико прошёл мимо раздевалок. Лиза сидела на скамейке, перематывала ручку ракетки изолентой. Услышав шаги, подняла голову.

— Рико? — шёпот. — Как ты здесь?

— Через чёрный ход.

— Если мама увидит...

— Она у машины. Ждёт.

Рико сел рядом, оставив между ними расстояние.

— Ты сегодня хорошо играла.

— Проиграла сет.

— Но выглядела уверенно. И выиграла же в итоге.

Лиза отложила ракетку.

— Зачем ты рискуешь?

— Хотел сказать.

— Что?

Рико достал конверт из кармана — помятый угол.

— Меня зачислили.

Лиза взяла бумагу, пробежала глазами.

— Журналистика?

— Да.

— Это то, что ты хотел?

— Хочу писать. Чтобы люди слышали друг друга.

— Как священник? — она вспомнила их разговоры.

— Священник слушает исповедь. Журналист ищет правду. Похоже.

Лиза вернула конверт, улыбнулась.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Родители знают?

— Пока нет. Отец... Он хочет, чтобы я работал. Сразу. На склад.

— А университет?

— Скажу позже. Когда начнутся занятия.

— Мои тоже не знают, что я хотела бросить теннис.

— Хотела?

— Иногда думаю. Но потом выхожу на корт... и забываю.

— Значит, не бросишь.

— Возможно.

Она встала, поправила форму.

— Мне пора. Мама ждёт.

— Лиза.

Она остановилась.

— Через три дня выхожу на работу. В кафе.

— Буду знать, где искать кофе.

— Буду знать, где искать теннис.

Лиза улыбнулась.

— До встречи, журналист.

Она вышла в коридор. Рико остался. В руке — конверт, в кармане — направление на медкомиссию. Впереди — три дня. Потом — работа, университет. И отец, который рано или поздно спросит: «Куда ты идёшь?»

«Та связь жива, куда бы ни идти»

Четыре дня спустя. Вечер. Рико шёл по тротуару. Он только что завершил свою первую смену в кафе — подносы, заказы, улыбки, которые уставали ещё до того, как встречали взгляды. Чаевые в кармане шуршали — он достал их и швырнул обратно, не думая. Пнул камень: тот проскользил по асфальту, будто ему тоже не хватало сил на жизнь.

— Рико!

Детский голос прорвался сквозь шум. Он остановился.

— Посмотрите на него, — услышал он голос женщины. Холодный и знакомый. — Его ребёнок зовёт, а он не реагирует.

Он повернулся. Скамейка у входа в парк. Белла, Диего, и между ними — Агата. Маленькая девочка с развевающимся платьем бежала к нему.

— Рико!

Агата бросилась к нему и вцепилась в его ногу, обняв её.

— Привет, Агата.

— Ты не слышал меня? — она дёргала его за брюки, пока не поймала взгляд.

— Устал, малышка.

Диего подошёл сзади и на секунду накрыл их обоих своей тенью.

— Ты как? — его голос звучал внимательно. — Поруга-

лись, что ли? Глаза не такие, как обычно.

— Нет, всё нормально. Мы не общались. Телефон отобрали.

— Ты что, работу нашёл? В твоём возрасте?

— Да, работаю. В кафе. Полставки, пока учусь. Совмещаю.

Диего поднял брови, взгляд смягчился.

— Молодец.

— Спасибо.

Белла, наблюдая за ними, вмешалась:

— Что-то я тебя не узнаю, Рико. Когда ты успел стать взрослым?

Рико не ответил. Вся ситуация была чуждой ему.

— Ты знаешь, как мне всегда говорили... — продолжала Белла. — Расти в жизни, добивайся чего-то сам. Это важно.

Слова застали его врасплох. Он хотел что-то сказать, но не смог. Просто посмотрел на дорогу.

— Понимали бы это мои родители... — вырвалось у него.

— Ничего они не понимают, — её голос звучал ровно. — Но я-то тебя понимаю.

Рико поднял глаза, но она уже смотрела в окно, лицо скрывалось в тени. Фраза повисла в воздухе. В голове раздался громкий шум. Нос наполнился горячей кровью. Она потекла по губам, капнула на рубашку. Рико вцепился в сиденье, вдохнул глубже. Диего обернулся:

— Чёрт возьми, у тебя кровь.

Рико вытер рукавом кровь, вдохнул.

— Всё в порядке.

Не дожидаясь ответа, он открыл дверь машины и выбежал. Шаги тяжёлые. Он не оглянулся. У двери стояли две фигуры: Лина и Виола. Виола заметила его — лицо побледнело. Рико качнулся, пытаясь удержать равновесие. Она бросилась к машине, её платье развевалось.

— Это уже перебор! — крикнула она. — Я так больше не могу! Вы что, с ума сошли?!

Диего выставил руку, пытаясь успокоить её.

— Успокойся. Это не мы. У него просто кровь пошла.

Но Виола не слушала. Она подошла к Рико, схватила его за локоть.

— Рико?

Он смотрел на неё. Кровь капала, медленно.

— Да. У меня такое бывает.

Из открытого окна машины донёсся голос Агаты — чистый и звонкий.

— И у Лизы тоже.

Виола развернула его к свету фонаря, схватила лицо ладонями.

— Нет следов ударов?

— Нет. Меня никто не трогал. Всё, успокойся!

— Как ты?

Рико отстранился, вытер лицо — рукав был уже красным.

— Как комик в дурдоме.

Развернувшись, он толкнул дверь подъезда и вошёл в тёмный холл. За спиной слышался голос Виолы — резкий и требовательный. Она говорила с его родителями, но Рико не слушал. Он поднимался по лестнице. Ступени были знакомыми. Кровь засохла на губах, вкус железа в горле не проходил. «Я-то тебя понимаю...» Кто сказал это раньше? Он остановился на площадке, прижал лоб к холодной стене. Внизу хлопнула дверь машины, мотор рывкнул — они уехали. Рико достал ключи и открыл свою дверь. Прошёл в ванную, включил воду. Из носа больше не текло — только красная кайма на губах. Его глаза были прежними. Открыл кран — вода стала розовой. Вытер лицо полотенцем. «И у Лизы тоже...» Включил свет. В коридоре всё было тихо.

Прошло несколько дней. Ключ провернул замок — тихо, чтобы не разбудить братьев. Третья смена за неделю. Одежда пахла кофе и маслом. В квартире было темно — только холодильник гудел на кухне. Отец был в командировке, мать — в университете: защита дипломов, ночные заседания. Братья спали. Рико прошёл в ванную. Вода шумела долго — смыла запах еды. Он вытерся и рухнул на кровать. Веки слипались. Стук в дверь. Рико очнулся. Прислушался. Это не дождь. И не Лиор. Ритмичный, уверенный стук. Он встал и подошёл к двери. Дёрнул ручку.

— Кого там ещё принесло... — слова застряли в горле. На пороге стояла Виола: тёмная куртка нараспашку.

— Спишь?

— Только лёг.

— Скучно. — Виола опёрлась о косяк. — Пошли. Лина собрала друзей. Соседний подъезд.

Рико поморщился.

— Не хочу.

— Хочешь. — Виола протянула руку. — Ты ведь уже взрослый. Пора отдыхать по-взрослому.

Рико выпрямился.

— Минуту.

Он закрыл дверь, натянул джинсы, футболку. Выходил с ощущением, что чего-то не хватает. Квартира Лины наполнялась звуками. Басы вибрировали по полу, дым клубился под потолком. На подоконнике сидели Лина и две девчонки, смеялись, стряхивали пепел в банку. На столе — закуски и бутылки. Виола прошла внутрь, схватила Рико за запястье.

— Иди сюда. Сюрприз ждёт. — Она потянула его к кухне.

Из тени вышла Лиза. Джинсы, простая футболка, волосы распущены. Остановилась, наблюдая.

— Ты?

— Я. Мы с Линой — соседи, через подъезд.

— Не знала.

— Теперь знаешь.

Виола рассмеялась, схватив их обоих за руки.

— Хватит смотреть друг на друга. К столу.

Она усадила их, не давая возражений. Лина подошла, хлопнула Рико по плечу.

— Как работа?

— Нормально.

— Отец знает?

— Нет. Уехал на недели две. Мать занята.

Рико оглядел комнату.

— Лучший расклад, знаешь ли, когда никто ничего не знает. И ты сам решаешь свои проблемы.

Лиза встретила его взгляд.

— А ты, я смотрю, любишь одиночество?

Улыбка Рико стала горькой.

— Если только такое — быть одному с близкими, важными людьми.

— Ты нас таковыми считаешь? — Лиза чуть наклонила голову, изучая его.

— Лина это слышала не раз. И вот я хочу сказать тебе...

— О-о-о... — Лина всплеснула руками. — А за это надо выпить!

Она налила в стакан янтарную жидкость и протянула Рико.

— За дебют!

Рико потянулся, но резкий толчок в бок остановил его.

— Только попробуй. — Шёпот Лизы рядом.

Его рука зависла над стаканом.

— Спортсмены не пьют. Это не для тебя.

— Но я же не...

— Теперь тренируешься со мной. В выходные жду на кор-

те.

Рико опустил руку, улыбнулся.

— Договорились.

Виола вытащила колу из холодильника и поставила перед ним.

— Держи альтернативу. Из тебя уже мадам верёвки вьёт.

Лиза насупилась.

— Ничего я не вью. Забочусь о здоровье.

— Кстати о здоровье. — Виола села напротив, пристально смотрела на Рико. — Что было в прошлый раз? Кровь из носа. Часто бывает?

Лиза повернулась к Рико, ожидая ответа.

— Давно. Особенности крови. Четвёртая отрицательная. Давление скачет.

— У Лизы точно так же.

Рико встретил взгляд Лизы.

— Значит, у нас много общего.

Лина не удержалась.

— Болячек?

Все рассмеялись, напряжение исчезло. Рико откинулся на спинку стула. Его рука невольно легла на стол и накрыла ладонь Лизы. Она убрала руку. Рико опустил свою ладонь обратно. Затем Лиза медленно вернула руку, положила её поверх его. Сидели так, пока музыка звучала фоном. Виола хлопнула в ладоши.

— Всё, идите гулять.

— Правда? — Лиза подняла голову.

— Вы слишком правильные. — Виола встала и обняла их обоих за плечи. — Нечего тут киснуть.

— Пошли.

В прихожей Рико натягивал кроссовки. Виола подошла сзади.

— Рико, есть закурить?

Он потянулся в карман за пачкой сигарет, но Виолахватила её раньше.

— Всю давай.

— Эй...

— Ничего. — Она улыбнулась. — Береги здоровье.

Лиза посмеялась.

— Правильно!

Виола открыла дверь, толкнула их. На пороге Рико шепнул Виоле:

— Почему ты помогаешь мне?

— Потому что мы братья по крови.

Рико улыбнулся в ответ и вышел. Улица встретила ночной прохладой. Фонари горели через один, асфальт остыл. Лиза стояла у подъезда и ждала.

— Куда пойдём? К реке?

— Нет. Не в этот раз.

Он проверил карман — там шуршали купюры.

— По центру. Где светло.

— Какие планы?

— Заработал за эти дни. Будем заходить везде, где открыто: кофейни, булочные.

Лиза улыбнулась, и улыбка была настоящей.

— Мне нравится. Давно мечтала ночью прогуляться. Просто так.

— Я тоже.

— И часто ты так гуляешь?

Рико глянул на асфальт.

— Вот можешь поздравить — дебют.

Они шли рядом, плечо к плечу. Город ночью был совсем другим — без суеты, без глаз. Свет фонарей отражался в витринах, делая пустые улицы похожими на декорации. Ветер усилился. Лиза поёжилась, и Рико снял свою лёгкую куртку, накинул её на её плечи.

— Не простудись.

Ткань ещё хранила тепло его тела. Лиза укуталась, чувствуя запах стирального порошка и лёгкого табака.

— Спасибо.

Они шли медленно, плечо к плечу. Тени сливались в одну. Лиза заговорила первой.

— Знаешь, после того как мои родители подвозили тебя недавно... Дома что-то изменилось.

Рико встретил её взгляд.

— В каком смысле?

— Родители, — она опустила глаза, — стали мягче. Папа спрашивает, как я. Мама не орёт из-за каждой ошибки. Буд-

то... испугались чего-то.

Рико сжал губы.

— Я давно говорил себе, что я чьё-то наказание за грехи. Вот и их стороной не обошло.

— Грехи? — Лиза подняла глаза, заинтригованная.

— Карма. Надеюсь, это к добру. И надолго.

Лиза остановилась и повернулась к нему.

— Получается, ты тоже моё наказание за что-то?

Вопрос повис в воздухе — лёгкий, но весомый.

— Нет. Ты самое светлое в моей жизни. Самое ценное и...

Он запнулся. Лиза смотрела на него, глаза стали шире, щёки слегка порозовели. Время словно замедлилось.

— Я не знаю, насколько тебе будет приятно это слышать, — продолжил Рико. — Но я хочу сказать как есть. Пусть я забегая вперёд, пусть выгляжу как наивный дурачок. Но... ты действительно много значишь для меня. Важна.

Лиза не отводила взгляда.

— Я никогда не думал ни о ком столько, сколько о тебе. Никогда не беспокоился ночами: здорова ли ты, всё ли хорошо. Никогда не болел за кого так искренне. Даже на трибунах я...

Тёплые губы коснулись его щеки. Лиза отстранилась, не отпуская взгляда, улыбнулась.

— Всё, что ты сейчас сказал... Я тоже. Взаимно.

Рико обнял её крепко. Почувствовал запах духов: ваниль и цветы. Сердце било часто, живо. Они стояли так минуту.

Лиза отстранилась первой.

— О чём думаешь?

— О том, что ёжик перестал колотиться.

Лиза рассмеялась — чистый, звонкий смех.

— А ты?

— О том, что я больше не боюсь смотреть в зеркало, — серьёзно сказала она. — Боюсь не увидеть в нём тебя.

Рико ощутил внутренний толчок. Он подхватил её на руки. Лиза ахнула, обвила его шею руками.

— Ты что делаешь? — смех смешался с удивлением.

Рико кружил её, как будто она не весила ничего.

— Я всегда буду рядом. Хочешь ты этого или нет.

Слова вылетели сами собой. Он не заметил, как повторил их — точь-в-точь как Мария в том сне. Лиза прижалась к нему.

— И не вздумай исчезать.

— Та связь жива, куда бы ни идти.

Он опустил её на землю, и они пошли дальше. Кофейня на углу ещё работала — тёплый свет лился через окна. Они взяли кофе и уселись у окна, наблюдая за пустой улицей. Лиза приняла палочку с розовой ватой, отщипнула кусочек и протянула Рико.

— Попробуй.

Он попробовал. Сахар таял на языке.

— Сладко.

— Жизнь должна быть такой.

Они брели без цели, смеялись, толкались плечами, как дети. У парка заметили экран: ночной кинотеатр под открытым небом. Проектор светил ярким светом. На стене дома мелькали кадры — чёрно-белое кино, старая комедия. Людей было мало — пара скамеек, и всё.

— Пойдём?

— Пойдём.

Они сели на последнюю скамью. Экран мерцал, свет падал на их лица. Лиза придвинулась ближе, положила голову ему на плечо. Рико накрыл её руку своей. Фильм шёл фоном. Лиза спала на его плече. Рико провёл пальцем по её щеке. Она не проснулась. В отражении тёмного экрана кинотеатра, за их спинами, стояла фигура в белом платье. Рико потрянул головой — отражение исчезло.

Тем временем в квартире Беллы. Она сидела на кухне с телефоном в руке. Экран светился именем «Марта».

— Белла, я нашла кое-что, — сказала подруга. — Тот мальчик, Рико, действительно лежал у нас лет десять назад. У него были серьёзные проблемы с сердцем, случилась клиническая смерть. Четвёртая отрицательная, всё сходится.

— И ещё... — продолжила Марта. — После клинической смерти у него начались провалы в памяти. Он не помнил ничего до этого момента. Такие рецидивы амнезии повторялись ещё дважды, с интервалом в два года, каждый раз на фоне сильного стресса.

— Поняла.

— А ещё в карте есть пометка о необычном случае с группой крови, — продолжила Марта. — У Рико изначально была другая группа крови, но в процессе переливания она изменилась. Официальных объяснений этому нет — это крайне редкий, фактически уникальный случай. Донор был засекречен: его данные не раскрываются, но кровь идеально подошла.

Белла посмотрела на экран телефона.

— Спасибо, Марта. Это важно.

— Ты скажешь ему?

— Посмотрим.

«Отец ломает всё на полпути»

Рассвет так и не наступил для них. Лиза уснула на его плече, и Рико не шевельнулся, пока экран не потух, а проектор не замолчал. Он проводил её до ворот, когда город только начинал просыпаться. С тех пор прошло три дня. Поздний вечер. Ключ в замке не издал ни звука. Рико толкнул дверь плечом — руки были заняты. В пакете шуршали сигареты и закуски, в кармане вибрировал телефон: фильм скачан, выходные начались. В квартире было тихо. Отец в командировке, мать увезла Серхио в санаторий — кашель не отпускал младшего. Лиор ночевал у друга. Дом был на двоих — Рико и Мартина. В комнате младшего брата горел настольный светильник. Мартину было одиннадцать. Он больше не боялся темноты, но и не стал подростком, который запирается на замок. Сидел на кровати, перебирая струны старой гитары. Звук тихий, но чистый.

— Не разбудил? — Рико прислонился к косяку.

Мартин встретил его взгляд. В семье его звали Соловьём. Когда он говорил, в комнате становилось теплее.

— Я не спал. Ждал тебя.

— Зачем?

— Просто ждал.

Рико улыбнулся и протянул руку.

— Спасибо. Ложись уже. Я здесь.

Мартин отложил гитару, натянул одеяло. В одиннадцать лет дети учат скрывать страх так, как взрослые не всегда могут. Но Рико заметил, как брат напрягся, когда за окном хлопнула дверь.

— Я в соседней комнате. Если что — зови. Не стесняйся.

— Я не боюсь. — Мартин повернулся на бок. — Иди.

Рико выключил свет и в коридоре достал телефон. План прост: фильм, диван, ночь без мыслей о доме и университете. Телефон ожил в руке. Экран подсветил лицо. Лиза. Он ответил сразу.

— Выгляни в окно.

Рико подошёл к подоконнику и раздвинул шторы. Внизу, под единственным работающим фонарём, стояла она. Одна. Без родителей, без охраны. В лёгкой куртке, руки в карманах. Подняла голову, поймала его взгляд и подняла руку — жест короткий и требовательный: «Спускайся». Холод скользнул по позвоночнику — не от страха, а оттого, что этот момент был неизбежным.

— Я не могу. Мартин один.

— Позвони Лине. Она дежурит.

— Откуда ты...

— Просто позвони. Я жду. Пять минут.

Гудки. Лина взяла трубку на втором сигнале.

— Мне нужно уйти. Мартин дома.

— Я уже иду. Чайник поставлю. Через десять минут буду у тебя.

Рико сунул телефон в карман, схватил ключи. На лестнице завязывал шнурки на ходу, выскочил из подъезда. Лиза не улыбалась. Шагнула навстречу, и её пальцы легли в его ладонь — уверенно, плотно. Прикосновение обожгло сильнее летнего асфальта.

— В этот раз выбираю я.

— Куда идём?

— Увидишь.

Она увлекла его не в парк, а в сторону старого квартала. Рико шёл следом, подстраиваясь под ритм её шагов. Они остановились у пожарной лестницы заброшенного склада. Металл ржавый, но крепкий.

— Здесь?

— Здесь видно всё. — Лиза начала подниматься.

Она шла первой — уверенно, с каждым шагом становясь всё более недосягаемой. Рико следовал, не выпуская её локоть, готовый подстраховать. На крыше ветер был сильнее. Город лежал внизу: огни, дороги, чёрная лента реки. Лиза подошла к краю. Ночная тишь, сквозь которую пробивался рокот трассы.

— Мои родители думают, что я в отеле. Тренер — что я сплю.

— Круто. Ты везде, но при этом нигде. А если узнают?

— Пусть узнают.

Лиза повернулась. Темнота смягчила черты, оставив только огромные чёрные глаза и новую, непривычную прямогу

во всём облике.

— Ты помнишь, что сказал в кино?

— Что именно?

— Что будешь рядом. Хочешь ты этого или нет.

Слова вспомнились вместе с образом Марии, но теперь они принадлежали Лизе.

— Я проверю. — Лиза сделала шаг вперёд. Расстояние между ними сократилось. Рико не двинулся. Обычно она отступала, пряталась. Сейчас это осталось где-то далеко, на асфальте. Лиза потянула его за ворот футболки, заставив наклониться. Поцелуй был неуклюжим, быстрым, со вкусом мяты и ночи. Губы её дотронулись до его щеки, затем коснулись уголка рта. Рико не шевелился. Боялся, что этот момент исчезнет, если он сделает хоть одно движение. Лиза отстранилась. Щёки горели, но она не скрывала этого.

— Я пропустила тренировку ради этого. Первый раз в жизни.

— Оно того стоило?

— Пока да. Сегодня можно нарушать правила. Ты учил меня быть собой. Вот я и есть.

Они стояли плечом к плечу. Рико смотрел на её профиль: тень ресниц на щеке — та же, что в кино. Но теперь она была здесь. Живая. Тёплая.

— Знаешь, — начала Лиза, — когда ты ушёл тогда, от дома... Агата плакала три часа. Не останавливалась.

Рико молчал. Чувства, которые было трудно осознать,

проступили на лице помимо воли.

— Родители испугались не тебя. Они испугались её реакции.

— Что это значит?

— Не знаю. Но после того вечера у меня кровь не шла из носа. Ни разу.

Лиза взглянула на свою ладонь.

— Странно, да?

— Очень.

Она подошла вплотную, положила голову ему на плечо.

— Мне страшно.

— Почему?

— Страшно, потому что это закончится. Завтра снова будут тренировки, крики, правила. А ты... ты исчезнешь. Как все.

Рико обнял её, ощутив напряжение в её плечах.

— Во-первых, я не все. И ты тоже. Во-вторых, я не исчезну. Вся моя жизнь — это ты. Ты её главный смысл.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Они стояли долго. Город жил где-то далеко, а здесь — только дыхание и близость. Рико понял: назад дороги нет. Это не прогулка. Это их союз. Пришло сообщение — телефон коротко вздрогнул. Лина: «Я у тебя в квартире. Мартин спит. Не шуми, когда вернёшься». Рико убрал телефон.

— Пора.

Лиза сжала его ладонь — теперь крепче.

— Проводишь?

— До самого порога.

Обратный путь сжался, безмолвие сделалось осязаемым.

У ворот Лиза остановилась.

— Завтра будешь на тренировке со мной?

— Обязательно.

— Я буду ждать.

Она улыбнулась — иначе, чем прежде: без страха, без сомнений. Поднялась на цыпочки, коснулась губами его подбородка.

— Спокойной ночи, Рико.

— Спокойной, Лиза.

Он встретил её взгляд. Прямая спина, уверенный шаг — невидимый груз остался где-то позади. Рико направился домой. Лина сидела на кухне, пила чай из его кружки.

— Всё хорошо?

Рико коснулся губ — всё ещё горели.

— Всё нормально.

— Мартин во сне пел. — Лина засмеялась. — Ты не слышал?

— Нет.

— Красиво. Как ангел.

Лина поднялась, поставила чашку в раковину.

— Я пошла. Не затягивай, Рико. Отец скоро вернётся.

— Хорошо.

Дверь закрылась. Рико заглянул к Мартину. Брат спал, улыбаясь во сне. Рико постоял в дверях и вернулся к себе. «Правила нарушаются ночью. Утром они возвращаются. Главное — помнить, что было ночью», — подумал он, глядя в тёмное окно. Закрыл глаза. Вкус мяты, запах её волос. Провалился в сон быстро — и впервые за долгое время там не было огня. Только свет.

Солнце ударило в глаза. Рико открыл их сразу. Сон исчез, оставив пустоту. Он сел, потёр лицо. Привычная комната. На столе лежал календарь. Отрывной лист дрожал от сквозняка. Цифры: 2 августа 2007 года. Шесть лет. Сегодня — день, когда время раскололось на «до» и «после». В 2001-м Мария улетела. Он допил воду — холод обжёг горло. Встал, натянул форму. Обещание есть обещание. Корт накалён. Воздух дрожит над сеткой. Лиза уже была там — разминалась у задней линии. Увидела его, улыбнулась легко.

— Опоздал на минуту. — Подбрасывает мяч.

Рико бросил сумку на скамейку, взял ракетку.

— Подавай. Голос пересох.

Лиза удивилась, но начала подачу. Мяч летел точно в угол.

Рико ударил в ответ — слишком сильно. Мяч улетел за линию, стукнув о забор.

— Эй. Ты чего?

— Играй!

Он двигался быстро, с излишней жестокостью. Каждый удар — наказание мячу. Лиза не успевала. Рико ошибался,

злился, швырял ракетку на землю.

— Хватит! — Лиза подняла руки. — Что с тобой?

Рико стоял, грудь ходила ходуном. Пот заливал глаза.

— Ничего. Просто день такой.

— Ты меня едва не сбил этим ударом. — Лиза шагнула к сетке.

— Не нравится — уходи.

Лиза остановилась. В её глазах не было обиды, только понимание. Молча собрала мячи, подошла к сетке и протянула руку через неё.

— Закончили.

Рико отвернулся, начал собирать вещи. Нужно уйти. Пока родители не вернулись. Пока никто не увидит. Он вышел за калитку. Шаги ускорились.

— Рико!

Он не обернулся.

— Рико, стой!

Шаги сзади. Лиза догнала, схватила его за локоть. Развернула силой.

— Куда ты бежишь?

— Домой.

— Ты идёшь не домой. Ты идёшь туда, где тебе плохо. — Она не отпускала руку.

— Тебе не нужно со мной.

— Нужно. — Лиза встала на его пути. — Я же сказала: теперь мы вместе. Твоё место — это наше место. Веди.

Рико встретил её взгляд. В упрямстве её глаз не было любопытства. Было требование. Он повернул. Берег был тих. Вода лениво била в песок. Рико сел на старое бревно, полужёжа, достал пачку. Пальцы дрожали, едва чиркнул зажигалкой. Лиза встала напротив, руки в боках. Она не осуждала. Она ждала.

— Кури на здоровье. Но потом говори.

Дым тянулся тяжело, заходил в лёгкие. Рико не спешил смотреть на неё. Взгляд прикован к воде.

— Сегодня годовщина.

— Чего?

— Шесть лет назад. Сегодня Мария улетела. Моя сестра. Она погибла в этот день. Самолёт упал. Никто не выжил.

Лиза опустилась на песок рядом — не слишком близко, но и не далеко. Рико достал фотографию. Края стёрлись, угол загнут. Протянул Лизе. На снимке — девушка: голубые глаза, светлое платье. Улыбка спокойная, уверенная.

— Она единственная в семье с такими глазами. У всех нас тёмные, что уголь. А у неё — небо.

Лиза водила пальцем по изображению, потом взглянула на Рико.

— Красивая. Очень. У неё твоя улыбка.

— Я видел сон. Накануне. Белый самолёт, огонь. Я бежал к родителям, кричал. Они не поверили.

Рико затянулся. Пепел упал на колени.

— Я был в аэропорту. Бежал за ней. Она обернулась. По-

казала три пальца: «Я вернусь». Не вернулась.

Голос дрогнул. Он сжал фотографию так, что бумага хрустнула.

— Я должен был остановить её. Если бы настоял. Если бы пробился через охрану.

Лиза положила ладонь поверх его руки. Разжала пальцы. Фотография осталась целой.

— Ты был ребёнком, Рико.

— Я видел будущее. И ничего не сделал.

— Ты не видел будущее. Ты видел сон. Это не одно и то же.

— Для меня — одно. Это та часть, с которой я не хочу ни с кем делиться. Не привык.

— Ты обещал!

— Я не отказываюсь от своих слов. Просто мне непривычно, что кто-то рядом. Что кому-то не всё равно. И я благодарен тебе за это. И не хочу, чтобы кто-то был на твоём месте ещё. Мне просто нужно к этому привыкнуть. Думаю, тебе тоже.

— Но пока ты будешь носить все тайны в себе и выдавать мне их по крупичкам — это затянется надолго. Я открылась тебе полностью, Рико. Как никому больше на этом свете.

Рико смотрел на воду. Лиза взяла фотографию, посмотрела внимательно.

— Знаешь, почему Агата тогда плакала? И почему у меня кровь не идёт?

Рико встретил её взгляд.

— Почему?

— Потому что ты принёс сюда что-то важное. Не горе. Правду.

Лиза вернула снимок.

— Мария не хотела, чтобы ты нёс это один. Она показала тебе сон не для того, чтобы ты винил себя. А чтобы ты помнил.

— Тяжело помнить.

— Тяжело забывать.

Лиза придвинулась, положила голову ему на плечо — как тогда, в кинотеатре. Он обнял её. Снова.

— Прости, что повёл себя так на корте.

— Забудем. Зато теперь я знаю, почему ты такой упрямый.

— Я не упрямый.

— Упрямый. И сломанный. Но мы починим. Я такая же. Надеюсь, ты мастер не хуже меня. Починим друг друга и не дадим сломаться никогда.

— Звучит как гимн.

— Наш личный.

Рико посмотрел на реку.

— Спасибо, что пришла.

— Я же обещала. Хочешь ты этого или нет.

Она повторила его слова. Рико улыбнулся. Впервые за день.

— Да. Хочу.

Рико убрал фотографию — ближе к сердцу. Встал, подал Лизе ладонь.

— Пошли.

— Куда теперь?

— Домой. Завтра снова тренировка.

— Завтра я тебя обыграю.

— Мечтай.

Они шли вдоль берега, касаясь друг друга плечами. Рико остановился. Перед глазами на секунду всплыло не лицо Марии — нет. Просто белая пелена, запах авиационного керосина и глухой удар сердца, который он помнил из того сна. Того самого.

— Рико? — Лиза обернулась, почувствовав, что он не идёт.

Он не ответил. Взгляд застыл на воде, но перед глазами — стеклянные двери аэропорта, смыкающиеся перед спиной в светлом платье. Руки задрожали. Сигарета выпала из пальцев, шипя, погасла в мокром песке. Лиза подбежала, схватила его за плечи.

— Что с тобой?

— Ничего. — Голос прозвучал тонко, по-детски. — Просто... Иногда она приходит. Не просится. Просто стоит за плечом.

Лиза обняла его. Крепко, закрывая от ветра, от прошлого, от всего. Рико уткнулся лицом в её плечо. Позволил себе не

быть сильным. Потом отстранился.

— Всё. — Уже твёрже. — Идём.

Лиза сжала его ладонь крепче. В кармане у Рико вибрировал телефон. Сообщение от отца: «Я вернулся. Будь дома к ужину». Рико убрал телефон. Не ответил. Сейчас это не имело значения. Главное было здесь — тёплая ладонь в его руке.

Вернувшись домой, Лиза вошла в прихожую, надеясь, что все спят. Но свет в гостиной горел. На диване сидела Белла — одетая, с чашкой остывшего чая в руках, не в халате.

— Где ты была?

— Гуляла.

— В такое время? — Белла поднялась, подошла ближе. — Лиза, я не вчера родилась. С кем ты была?

Лиза молчала.

— С ним. — Белла понизила голос. — Мы же просили тебя...

— Я просто хотела его поддержать! У него сегодня...

— Мне всё равно, что у него сегодня! — Белла повысила голос, но тут же сдержалась. В её словах не было гнева, только усталость. — Ты нарушаешь наши договорённости. Мы устали бороться, Лиза. Поэтому с завтрашнего дня — новые правила.

— Какие правила?

— Комендантский час. После восьми вечера ты никуда не выходишь без сопровождения. Школа, тренировки, дом.

— Это нечестно!

— Это справедливо. Ты не оставляешь нам выбора. А теперь иди спать.

Лиза встретила взглядом с матерью. Молча прошла в свою комнату, захлопнула дверь и уткнулась лицом в подушку. Сообщение от Рико: «Ты дома?» Лиза быстро набрала ответ: «Да. Мама устроила допрос. С завтрашнего дня комендантский час. 20:00». Телефон тут же пиликнул входящим: «Понял. Будем искать другие окна». Лиза улыбнулась. «Окна» — их код, это значило, что он не сдастся.

Дверь квартиры скрипнула. Рико стоял на пороге. В прихожей пахло не ужином, а дешёвым вином и старым табаком. Отец сидел в гостиной. Свет не горел, лишь экран телевизора мерцал синим пятном. Отец не смотрел на экран. В руке — стакан, на столе — бутылка. Пустая.

— Где был? — Голос вязкий.

Рико снял кроссовки — медленно, чтобы не скрипнули.

— Гулял.

— Гулял. — Отец повторил. — Сегодня второе августа.

Рико стиснул челюсть. Знал эту дату. Знал тон его голоса.

— Знаю.

Отец встал. В руке стакан, плещется тёмное вино, как кровь.

— Она погибла. — Шаг вперёд. Запах кислого вина ударил в нос. — А ты... Развлекаешься.

— Я не...

— Молчать!

Удар был быстрым, тупым. Рико успел только повернуть голову. Удар в скулу. Звон в ушах перекрывает голос отца. Рико шатнулся, едва удержавшись за стену. На губе — тепло. Провёл пальцем: красный след. Отец опустил обратно в кресло. Стакан поставлен на стол.

— Чтобы помнил. — Взгляд на экран телевизора. — Цену жизни.

Рико развернулся и пошёл в свою комнату, не запирая дверь. Умылся. Вода, розовая от крови, стекала в раковину. Лёг на кровать.

Следующий день. Лиза у задней линии: подбрасывает, бьёт. Ещё раз. Ещё. Когда она снова замечает Рико, улыбка прерывается. Рико подходит к сетке. Синяк не спрятать: тёмное пятно на бледной коже, губа припухла. Лиза опускает ракетку.

— Что случилось?

Рико кладёт сумку на скамью.

— Хотел бы я сказать, что поскользнулся...

— Не ври. — Она перекидывает ракетку через сетку и подходит ближе. — Я же вижу.

Рико разглядывает пыль на шнурках кроссовок.

— Местные решили проверить. Всё нормально.

— Какие местные? Где?

— Не важно.

Лиза берёт его за подбородок, поворачивает к себе. В её

глазах — требование.

— Говори сейчас же! А то я тебе ещё один фингал поставлю!

Рико сдаётся.

— Отец. Вчера. Годовщина.

Кровь отливает от лица Лизы. Она сжимает ракетку.

— Он тебя...

— Да.

— Почему молчал?

— А что менять? — Рико осторожно двигает челюстью — больно. — Он пьян. Я виноват, что жив.

Лиза смотрит на него. Потом резко замахивается и бьёт по мячу. Мяч уходит за линию.

— Играем. — Собирается в стойку. — Иначе тренер нас выгонит.

Тренировка продолжается. Рико отбивает мячи механически, каждый удар отдаётся в скуле. Свисток тренера — конец. Лиза сразу смотрит на улицу.

— Они. — Шепчет. — Тебе нужно уйти. Сейчас.

Рико перекидывает сумку через плечо и направляется к служебному выходу. Не успевает. У калитки стоит Диего. Руки скрещены, лицо каменное. Белла за рулём — её взгляд пронзает через лобовое стекло. Рико останавливается.

— Если хотите меня избить, — говорит спокойно, — то вы опоздали. Как видите, всё уже случилось. Могу пообещать, что в следующий раз приду сам.

Диего меняется в лице.

— Что случилось?

— Теннис. — Рико усмехается. — Опасная игра. Пара пропущенных мячей.

— Не шути. — Голос Диего тише.

— С вашего позволения, я пойду дальше жить свою ничёмную жизнь. Завтра на работу.

Диего не двигается, преграждает путь.

— Кто это сделал?

Рико молчит. Дверь машины распахивается. Белла выходит быстро, подходит к Лизе.

— Правду говори. — Требует. — Ты с бандитом дружишь? На тренировки его приводишь? Ты нас позоришь.

Лиза поднимает голову. Остаётся только злость.

— Это не бандит. Это Рико.

— Тогда почему у него лицо разбито?

— Потому что у него отец был пьян. Вчера годовщина смерти его сестры. Он пришёл домой, а его встретили так.

Белла замолкает. Диего оборачивается к Рико. Взгляд меняется: исчезает презрение.

— Это правда?

— Не ваше дело.

— Наше. — Белла делает шаг вперёд. — Если он живёт в нашем районе...

— Он не живёт в вашем районе. — Перебивает Лиза. — Он живёт там, где больно. И вы ничего не можете с этим

сделать.

Диего отходит от калитки, освобождая проход.

— Поехали. — Говорит Белле.

— Но...

— Поехали.

Лиза смотрит на Рико. В её глазах — извинение и боль.

— Позвони мне.

— Позвоню.

Рико проходит мимо них. Не оборачивается. Он идёт вдоль забора, достаёт телефон. Сообщение от Лины: «Завтра выходишь? Или заболел?» Набирает: «Выхожу». Убирает телефон. Щека ноет. Он шёл домой — медленно. Знал: отец будет спать. Знал: завтра снова на работу. Знал: Лиза теперь знает.

Утро началось с кофе и молчания. Лина поставила стакан на стойку, скользнула взглядом по синяку, задержалась на припухшей губе.

— Это что? Опять отец ломает всё на полпути?

Рико склоняет голову.

— Больничный. — Отрезала Лина. — Сейчас же.

— Лина, мне нужны деньги.

— Тебе нужна голова на плечах. Если упадёшь на работе, будет хуже. Начальство требует справку — значит, так надо.

Рико допил кофе, поставил стакан в раковину.

— К врачу. — Напомнила. — Сюда не приходи. Справку заберу после работы.

Травмпункт пах хлоркой. Рико стоял в регистратуре, заполняя бланк. Рука дрожала, буквы плясали.

— Третий этаж, кабинет тридцать один.

Лифт не работал. Рико поднялся пешком. На площадке этажа — очередь. Люди сидели плотно. И тут он их увидел. Диего сидел на пластиковом стуле, выпрямив спину. Костюм мятый, галстук снят. Рядом — Лиза. Нога вытянута, бинт на лодыжке белый и чистый. Она уставилась в пол, пальцы терблили край сумки. Рико опустил голову, ускорил шаг. Нужно было пройти мимо незамеченным.

— Рико?

Голос Диего прозвучал как выстрел. Рико не остановился.

— Стой.

Шаги сзади — тяжёлые.

— Я не сюда. — Крикнул он через плечо, ускоряя шаги.

Почти побежал к кабинету. Дверь была открыта. Он быстро нырнул внутрь, захлопнул её перед носом Диего. В кабинете сидел врач: мужчина лет пятидесяти, уставший, работал без пауз. Осмотрел Рико, поворошил бумаги.

— Старое. Заживает. Справку дам, но работать советую меньше.

Штамп ударил по бумаге — громко. Рико забрал листок. Когда он вышел в коридор, Диего стоял у стены. Лиза сидела в очереди, не отрывая взгляда от него. В её глазах — вопрос и страх. Диего шагнул навстречу. Ладонь легла на локоть Рико, сжала.

— Тебе нужно снять побои. Так не пойдёт. Заявление напишем.

Рико вырвал руку.

— Оставьте меня в покое.

— Это преступление.

— Это моё дело.

— Если ты не скажешь, я сам разберусь.

— Он мой отец. Не вы.

Диего замолчал. Жёсткость ушла, на миг появилось понимание.

— Послушайте. — Рико понизил голос. — Это личное. Сами разберёмся. Мой отец — чиновник. Огласка навредит вашей семье.

Он встретил взгляд Диего.

— И ещё у вас тогда будет законное право думать, что ваша дочь встречается с парнем из неблагополучной семьи. Я не дам вам такой возможности.

Лиза выпрямилась. Взгляд расширился. Она смотрела на Рико, как будто впервые его видела. Диего обернулся к дочери.

— Встречаетесь? То есть вы уже... встречаетесь?

— Чёрт возьми, да! — Рико повысил голос. — Я люблю вашу дочь и хочу быть с ней. Всё!

Лиза не двигалась. Руки лежали на коленях, бледные. Губы приоткрыты. В глазах — потрясение и облегчение. Плечи опустились с выдохом. Взгляд не отвела. Кто-то уронил

журнал. Врач выглянул из кабинета. Рико развернулся и пошёл к выходу.

— Ты куда? — Голос Диего вернулся с угрозой. — Мы не закончили.

Рико остановился, резко обернувшись.

— Вы действительно похожи на моего отца. У вашей дочери травма ноги, а вы только и думаете, как бы мне по морде дать.

Диего посмотрел на Лизу. Она сидела, опустив голову на бинтованную ногу. Отец Лизы отступил на шаг. Его рука опустилась. Рико пошёл вниз по лестнице. Шаг был тяжёлым, но уверенным. На улице воздух был холоднее, чем в больнице. Рико сжал справку в кармане — бумага шуршала. Он не оглядывался. Знал: Диего не побежит следом. Сегодня — нет.

«Я среди пыли спор веду о том»

Третий день больничного. Дождь моросил с утра, превращая асфальт в чёрное зеркало. Рико шёл вдоль парка: капюшон натянут, наушники прижаты к ушам. Музыка пыталась заглушить мысли, но не стук в висках. Отёк на скуле спал, остался только синяк. Шрамы внутри заживали медленнее. Он не хотел никого видеть — ни Лину, ни братьев, ни её. Из-за поворота вынырнул знакомый седан, выровнявшись с его шагом. Стекло опустилось бесшумно. Диего за рулём. Белла рядом. На заднем сиденье — Агата. Диего указал на дверь. Рико мотнул головой.

— Нет.

Шаг ускорился. Машина притормозила, снова поравнялась.

— Ей ты тоже откажешь? — Белла повернулась. Глаза заledenели.

Рико встретил взгляд Агаты. Девочка прижалась к стеклу: глаза большие и мокрые. Он открыл заднюю дверь и сел.

— Привет. — Агата схватила его за рукав. — Я скучала.

— Привет, малышка.

Рико отвернулся к окну: дождь стекал по стеклу, искажая улицу.

— Куда едем?

— Сначала поговорим. — Белла обернулась. — Мы наве-

ли справки. Твоё здоровье...

— Плевать я хотел на него. — Перебил Рико. — Как Лиза?

— Растяжение. — Голос Диего ровный, без эмоций. —
Пройдёт.

— Слава богу.

Агата заметила блеск медальона, высунувшегося из кармана.

— Что это? — Глаза Агаты расширились.

Рико накрыл её руку своей.

— Это... одна вещь. Нашёл недавно.

— Можно посмотреть?

Он колебался, но взглянул на неё — чистые, не требующие ничего в обмен глаза. И достал медальон. Холодный металл, гравировка почти стёрта временем.

— Держи. — Вложил в её ладонь. — Дарю.

Агата раскрыла ладонь — глаза расширились.

— Мне?

— Тебе. — Рико коснулся её пальцев. — Блистай так же, как он. Чтобы не боялась.

Агата сжала медальон и прижала его к груди. Улыбка осветила лицо.

— Спасибо, Рико! Теперь я как волшебница!

Белла наблюдала в зеркало заднего вида.

— Мы видим, в каких условиях ты живёшь. — Белла не меняла интонации. — Синяки, работа на износ. Ясно, что родители не позаботятся.

— А вы в очереди за моим воспитанием? Чего хотите? Изолировать, вылечить, купить? Я не понимаю, что от меня ждёте.

— Мы хотим помочь. — Диего не отрывал взгляда от дороги. — По-человечески.

— С чего такая забота? Вам какое дело? — Рико повернулся к ним. — Да, проблемы с сердцем. Давление скачет. И что? Помру — будете переживать?

— Ты чего такой колючий? — Диего повысил голос. — И вообще, как ты разговариваешь со взрослыми?

— Как с теми, кто хочет купить мою жизнь.

— Мы можем дать тебе лучшую жизнь. — Белла достала визитку и протянула её Рико. — Здоровье, образование. Клиника в Швейцарии. Университет, какой хочешь.

Рико скользнул взглядом по визитке: белая бумага, золотое тиснение.

— Только отстань от Лизы. — Белла посмотрела в упор. — Вы не пара. Никогда не будете. У неё будущее, статус. Мы не говорим, что ты не достоин. Просто тебе не нужна такая жизнь. Вы не сможете быть вместе в таких условиях.

Рико выдавил сухой смех.

— Жалость! Я не выношу жалости. Особенно когда она пахнет деньгами. Вы думаете, мне ваша клиника нужна? Я среди пыли спор веду о том, чтобы меня оставили в покое!

— Ты не понимаешь...

— Я всё понимаю! И вы это делаете не просто так. Что

взамен?

— Лиза.

— Нет.

— Рико...

— Нет! Можете пристрелить меня здесь, но сам я не откажусь. Никогда.

Белла и Диего переглянулись. В глазах женщины мелькнул страх.

— Боже. — Прошептала. — И это общается с нашей дочерью?

— Белла, помолчи. — Оборвал Диего.

Рико махнул на визитку — так и не взятую им.

— Вам нужно не моё сердце лечить. А совесть.

— Кровь! — Закричала Агата.

Белла обернулась. Из носа Рико текла кровь, капая на джинсы, оставляя тёмное пятно. Агата смотрела на красное пятно на своей куртке — туда, куда он облокотился. Диего резко затормозил. Машина встала на обочине.

— Спорит ещё. Герой. — Потянулся к бардачку. — Аптечка.

Рико не стал ждать. Рывком открыл дверь и выскочил под дождь.

— Стой! — Крик Диего.

Рико бежал, не обращая внимания на дорогу. Дождь бил в лицо, размывая очертания. В ушах — шум, громче музыки, громче криков сзади.

— Рико! — Агата плакала внутри салона, сжимая медальон.

Диего выбежал следом. Тяжёлые шаги по мокрому асфальту.

— Стой, дурак!

Рико выскочил на проезжую часть. Слепящий свет фар возник слишком близко. Вспышка. Удар.

Сознание возвращалось рывками. Сначала запах — стерильный, с примесью пыли и старого лекарства. Потом звук — тиканье часов на кухне. Рико открыл глаза. Он попытался вдохнуть глубже. Боль в рёбрах отозвалась давлением — похоже, ушиб. Тело ощущалось чужим, словно его залили свинцом. Две недели. Или больше. Время растаяло, пока он лежал здесь, в своей комнате, отрезанный от мира по настоянию отца. Никаких больниц, никаких осмотров. Только домашний режим. Рико сел. Комната качнулась, но он удержал равновесие, ухватившись за край кровати. На столе — стакан с водой и упаковка таблеток. Записка от матери: «Пей каждые четыре часа. Мы на работе». В квартире было пусто. Лиор у друзей, младшие — у Лины. Звонок в дверь. Сердце ускорило ритм. Он не ждал гостей. Поднялся, опираясь на стену. Ноги дрожали, но держали. Подошёл к прихожей, не стал смотреть в глазок — просто повернул ключ. На пороге — они. Диего и Белла. Одежда безупречная. Костюм Диего сидел идеально. Белла в строгом платье, сумочка в руке. Они выглядели чуждыми в подъезде с облупленной краской.

— Вы? — Голос Рико сорвался. Он откашлялся.

Диего протянул руку. Глаза скользнули за его спину, оценивая тёмный коридор.

— Можно войти?

Рико отступил. «Пусть смотрят», — подумал он. Гости переступили порог. Белла коснулась пальцами стены. Диего прошёл в гостиную и остановился у окна.

— Значит, здесь ты живёшь.

Рико прислонился к косяку. Ноги дрожали.

— После вашего особняка, наверное, это потрясение, но да — здесь я родился. Здесь росла Мария. Мои братья.

— Выглядишь неважно. — Белла обернулась. — Ты нормально питаешься?

Старое чувство — когда тебя воспринимают как жертву, нуждающуюся в подачке.

— Мы не бедствуем. Отец — чиновник. Проживём как-нибудь.

— Мы в курсе. — Белла сделала шаг ближе. Запах дорогих духов перебил запах лекарств. — Но ты еле стоишь на ногах. Ты успел поесть сегодня?

— Если честно, сегодня я вообще ничего не успел. Только пришёл в себя. Плохо помню последние дни. Какое сегодня число? Я даже не знаю, есть ли у меня ещё работа... Больничный затянулся.

Диего отошёл от окна.

— Есть. Не переживай. Ты друг Лины, а она — лучшая

подруга Виолы. Лина не бросит. Договорилась с управляющим. Как поправишься — выходи на работу.

— С чего такая забота? Опять покупаете? — Рико выпрямился. — Моя позиция насчёт Лизы неизменна. Даже после всего случившегося.

Диего переглянулся с Беллой.

— Кстати, как она? — Рико встретил их взгляды. — Только честно. Ожидая, что вы отобрали у неё телефон. Свой я с того дня найти не могу. Но имею право знать.

— Можешь знать. Всё уже хорошо. Сегодня пойдёт на свою первую тренировку.

— А насчёт случившегося... — Диего замялся. — Я хотел попросить... Чтобы та история с ДТП осталась между нами.

Рико напрягся.

— Конечно. Это и так понятно. Могли не спрашивать.

— Мы знаем о твоём прошлом, Рико. О твоей болезни. Ты уверен, что сможешь дать Лизе то, что ей нужно? Что не сломаешься под грузом ответственности? Подумай. Для себя. — Белла направилась к двери, остановилась и обернулась. Взгляд стал жёстким. — И, Рико... Не мешай Лизе. Она только восстановилась. Ей нужен покой. Спорт.

Рико встретил её взгляд. В глазах Беллы был страх — не за себя, а за дочь. За то, что он может стать якорем, который утянет Лизу на дно.

— Я понял.

Белла остановилась, рука застыла на ручке двери.

— У вас улыбка как у моей матери.

Белла резко остановилась.

— Только она улыбается чаще. — Рико слегка улыбнулся.

— Вам идёт. У вас добрый взгляд.

Белла наклонила голову. Диего смотрел на сына чиновника и не узнавал его. Белла опустила руку, плечи опустились. Перед ними стояла женщина, усталая, уязвимая, но живая.

— Спасибо. — Губы дрогнули в тёплой улыбке.

Диего шагнул вперёд, коснулся плеча жены.

— Мы уходим.

— Выздоровливай.

Дверь закрылась, отсекая их мир от его. Они спустились по лестнице молча. Только когда сели в машину, Белла обернулась к мужу:

— Этого недостаточно. Мы должны знать о нём всё. Каждый его шаг.

Диего завёл двигатель, но не тронулся с места. Он уставился на подъезд, где только что скрылся этот странный мальчишка с разбитым лицом и пустыми глазами.

— Ты права. — Он достал телефон и набрал номер.

— Сальваторе? Это Диего. Найми частного детектива. Понаблюдать за этим парнем пару недель. Где бывает, с кем встречается, о чём говорит. Хочу полное досье.

Собеседник что-то ответил.

— Да, Рико. Семнадцать лет. Живёт здесь, в районе. Подробности скину сообщением.

Он отключился, повернулся к Белле.

— Если он приблизится к Лизе, у нас будет достаточно, чтобы понять, насколько у них всё серьёзно.

Белла молчала. Машина тронулась и скрылась за поворотом.

Рико сполз по стене на корточки, обхватил голову руками. Пальцы дрожали от перенапряжения. Весь разговор он держал лицо, говорил ровно, дерзил. А теперь, когда никого нет, маска упала. В ушах зашумело. Так бывало перед приступами в детстве: сначала шум, потом цветные пятна перед глазами, потом — провал. Он зажмурился, пытаясь удержать сознание.

— Не сейчас, — прошептал он.

Но шум не отступал. Из него проступил голос. Мягкий, женский, колыбельный, как в детстве: «Рикардо... не бойся...» Рико резко открыл глаза. Прихожая пуста. Только тени лампы пляшут на стене. Он встал, шатаясь, добрался до ванной и включил холодную воду. Ледяная струя обожгла кожу, смыла наваждение. В зеркале — бледное лицо, тёмные круги под глазами. Чужое лицо.

— Кто ты? — спросил он отражение.

Рико выключил воду, вытерся и пошёл в комнату. Спать. Чтобы заглушить голоса. Он жив. Главное. Рёбра ныли при вдохе, но нога держала. Телефон потерян, связи нет. Мир сузился до квартала, работы и этой точки на карте. Диего и Белла ушли два дня назад. Договорённость висела тяжестью:

не мешай ей восстанавливаться. Рико согласился — тогда не было выбора и прав. Хруст ветки — резкий. Он обернулся. Шаги приближались — тяжёлые, уверенные. Из-за поворота тропинки появилась фигура: спортивная ветровка, капюшон сброшен, чёрные волосы разметались по плечам. Лиза. Она летела, а не шла. Глаза горели яростью. Рико сделал шаг навстречу, но она прервала движение.

— Лиза, ты?..

— Где тебя носило?! — Голос сорвался на крик. Она врзалась в него. Кулаки ударили в грудь — слабо, бессильно, но зло. — Две недели! Я приходила каждый день! Сидела на этом камне, ждала!

Рико перехватил её запястья. Кожа ледяная.

— Успокойся, прошу.

— Не смей меня успокаивать! — Она вырвалась, толкнула снова. — Ты исчез. Как призрак. Все молчат, никто ничего не знает. Телефон не отвечает. Ты думаешь, это нормально?

Слёзы подступали, но она держала их волей. Рико опустил руки. Соврать ей было нельзя. Договор с её родителями забылся.

— Я не мог позвонить. Телефон остался на дороге. Вместе с памятью пару недель назад.

Лиза остановилась, пальцы разжались.

— Что?

— Авария. Машина. Дождь, свет фар... Потом — темнота. Я лежал дома. Отец не пускал. А твои родители попроси-

ли не беспокоить тебя, пока не придёшь в норму.

Ярость в её глазах гасла, уступая место облегчению.

— Виола рассказала. Услышала разговор родителей.

— Тогда зачем этот спектакль сейчас был?

— Мне нужно было услышать это от тебя. Нужно было проверить: соврёшь ли. Скажешь, что всё хорошо, чтобы я не волновалась.

Рико молчал.

— Ты прошёл проверку на честность. Я не ошиблась, когда поверила тебе, — шептала Лиза.

Она устало оперлась лбом ему в плечо. Напряжение ушло, оставив пустоту и тепло.

— Я думал, ты согласишься с ними, — сказал Рико. — Что сейчас тебе важнее другое.

— К чёрту эту правду! — буркнула она в ткань его футболки. — К чёрту всё, если тебя нет рядом.

Она отстранилась, вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Запиши номер. Потом перенесёшь в новый телефон.

Рико улыбнулся. Достал из внутреннего кармана куртки фотографию.

— Он у меня всегда с собой. На обороте мелким карандашным почерком был записан номер. Цифры слегка размазались от времени и влаги.

Лиза взяла фото. Водила ногтем по цифрам, потом вернула обратно.

— Ты носишь мой номер... на её фото?

— Чтобы не забыть ни её, ни тебя.

Лиза подняла взгляд. Вернула фото в карман, коснулась ладонью его груди, где бумага лежала теперь ближе к телу.

— Больше не исчезай. Даже если родители запретят. Даже если мир рухнет.

— Не исчезну, — пообещал Рико.

— Обещаешь?

— Хочешь ты этого или нет.

Лиза улыбнулась. Впервые за несколько дней её улыбка была настоящей. Она потянула его прочь от воды. Там, где он хоронил прошлое. Он оглянулся: река текла дальше, чёрная и спокойная. Ветер шевелил траву. Сжал её ладонь.

— Веди.

На противоположном берегу царила иная идиллия. Белла опустила бинокль.

— Он всё ещё с ней.

Диего завёл машину.

— Тогда у нас нет выбора.

«Не подходи» — звучит, как приговор»

В кафе шумно — посуда звенит, кофемашина шипит, выпускающая пар. Рико двигался между столиками автоматически.

Лина заметила его у стойки и указала на график:

— Ставлю тебя на полную. Нужны деньги?

— Нужны. — Рико вытер стол. Движения чёткие, экономные.

— Только не надорвись. Шрамы ещё свежие.

— Выдержу.

Дверь с колокольчиком звякнула. Вошёл мужчина лет сорока — в помятом плаще и дешёвом костюме. Взгляд не зацепился за меню — он сразу стал осматривать зал. Рико почувствовал его взгляд на себе. Мужчина подошёл к стойке. Рико поднял глаза.

— Капучино. — Сдавленный голос.

— С собой?

— Здесь.

Рико занялся машиной, ощущая, как взгляд мужчины вонзается в спину. Когда он повернулся с чашкой, тот стоял прямо у него, пахнувший табаком и холодным потом.

— Ты Рико?

— Да.

— Я... тот водитель. Что сбил тебя.

Рико поставил чашку на поднос — фарфор стукнул по блюду.

— Вы здоровы?

— Цел. А ты... Прости. Я не видел тебя. Ты выскочил...

— Я выскочил, — поправил Рико. — Это моя ошибка.

Мужчина залез в карман пиджака, быстро что-то искал. Рико напрягся, но он достал не оружие, а пачку купюр. Смял их в комок.

— Это не компенсация. Это... чаевые. За сервис.

Он сунул деньги в карман Рико, не давая возможности отреагировать.

— Я не...

— Не отдавай. Пожалуйста. Мне станет легче.

Мужчина, не сделав глотка, развернулся и быстрым шагом ушёл. Дверь хлопнула за ним — колокольчик звякнул тревожно. Рико засунул руку в карман. Бумага шуршала. Пачка — толстая, мятая. Больше, чем он зарабатывал за месяц. Лина подошла, заглянула через стойку:

— Всё в порядке?

— В порядке. — Рико вытащил руку. — Просто клиент странный.

Вечером Рико прошёл в кухню. Братья ужинали: Серхио чистил яблоко, Мартин перебирал вилкой спагетти.

— Ты чего такой светлый? — спросил Лиор, не отрываясь от тарелки.

— Чаевые получил.

Лиор скосил глаза — в них мелькнула зависть.

— Много дают за подносик.

— Повезло. Не твоё дело.

Он поднялся к себе. В шкафу — пиджаки, рубашки, джинсы. Всё мягкое, серое.

— Ищешь что-то конкретное?

Мать — София — стояла в дверях с корзиной для белья. Усталая, но глаза тёплые.

— Белую рубашку и брюки. Те, что на выпускной.

София вошла и поставила корзину.

— Свидание?

Рико замешкался с вешалкой в руке.

— Да.

— Она из школы?

— Да.

Мать подошла, поправила воротник его футболки. Жест привычный, детский. Рико не отстранился.

— Она хорошая?

— Она важная. Не такая, как все. Она очень мне дорога. И очень красивая.

София улыбнулась.

— Рада за тебя. Только... — Она понизила голос, указывая на закрытую дверь отца. — Майклу не говори. Сейчас ему лучше не знать. Он раздражён в последние дни. Проблемы на работе.

— Помню.

— Учёбу не бросай. Работа — это хорошо, но диплом — это защита.

— Хорошо.

— Иди. Поглажу рубашку.

Она забрала одежду и, уходя, коснулась его плеча. Тепло её ладони осталось на коже.

В ночь, когда часы показали 02:13, скрипнула половица. Рико открыл глаза. Тьма плотная, как одеяло. В дверном проёме стоял Лиор.

— Не спишь?

— Ты тоже.

Лиор вошёл и закрыл дверь. Глаза блестели в темноте.

— Значит, всё-таки она. Лиза.

— Это твой главный вопрос в два часа ночи?

— Мне интересно. — Лиор сделал шаг вперёд. — Ты думаешь, это серьёзно? Она из тех, кто привык к золоту. А у тебя... — Он указал на комнату. — Чаевые случайные.

— Я заработаю.

— На что? На подарки? Ты видел, с каким телефоном она ходит? А у тебя теперь вообще никакого.

Рико сел. Одеяло сползло.

— А что бы ты сделал? Ждал бы, пока она сама себе их купит? Я буду работать и учиться. А ты? На что бы ты был готов ради того, кто дорог?

Лиор молчал. Затем с горечью произнёс:

— Я просто говорю. Она потянет тебя на дно. Или ты её.

— Я её подниму. — Рико твёрдо. — Не дам упасть.

— Упрямство. Лучше бы ты с таким упрямством спас Марию тогда.

Рико остался спокойным.

— Уходи, Лиор.

— Просто подумай. Принцессы тенниса не живут в трущобах.

Дверь за Лиором хлопнула. Рико встал. Шаги — три туда, три обратно. Стены давили. Он подошёл к столу и упёрся в него руками. На кармане джинсов торчал край пачки. Вытащил её. Деньги. Мятые, чужие. Пахли страхом. Сжал их, но не бросил. Открыл окно. Холодный воздух ударил в лицо, выдул пот. Представил Лизу: как она улыбается, как её волосы пахнут. Она не такая, как все. Пальцы разжались. Пачка упала на подоконник.

— Не отдам. — Тихо, но твёрдо. — Не имею права.

Он аккуратно сложил деньги, убрал в ящик стола. Закрыв его, проверил снова. Лёг на кровать и уставился в потолок.

— Будет у тебя телефон, Лиза, — прошептал он. — Личный.

Рико вышел из дома раньше всех. В кармане — пачка, в груди — решимость. Он зашёл в телефонную будку у парка. Набрал номер, который запомнил наизусть. Лиза. Долгие гудки.

— Алло? — Голос сонный, испуганный.

— Это я.

— Рико? Ты где? Я не могу говорить долго.

— Встретимся. Через час. На нашем месте.

— Родители... Сказали не подходить к тебе ни на метр.

— Звучит как приговор. Но им не надо знать. Это важно.

— Я буду.

Рико вышел на улицу. Ветер рвал волосы. Он сел в подошедший автобус у окна. Рико поймал своё отражение в стекле. Из темноты на него смотрел парень, который решил играть по своим правилам.

Коробка лежала в ладони. Маленькая, лёгкая, но она весила больше камня, который он бросил в реку неделю назад. Лиза смотрела на упаковку, потом на него. Ветер сбивал пряди на глаза, но она не убирала их.

— Что это? — Голос тихий.

— Средство связи. — Рико вложил коробку ей в руки. — Последняя модель. Только что вышла.

Лиза не открывала. Пальцы сжались на картоне.

— Рико... Это же... — Она запнулась, оглянулась на тропинку. — Откуда?

— Были чаевые. Клиент щедрый.

— На такую сумму? — Она подняла крышку. Внутри — чёрный экран, глянцевый.

Рико улыбнулся.

— Это инвестиция.

— Во что?

— В нас.

Лиза закрыла коробку, прижала к груди. Щёки покрылись румянцем.

— Я не могу взять. Это слишком дорого. Зачем? И родители заметят.

— Спрячешь. — Отрезал Рико. — Дома, в школе, где угодно. Но чтобы они не знали. Это твой личный канал. Никаких проверок, никаких прослушек. Только ты и я. Дороже тебя у меня нет.

— А ты? — Она шагнула ближе. Глаза блестели. — Тебе самому нужен телефон.

— У меня есть план. Не волнуйся.

— Какой план?

— Узнаешь. Главное — будь на связи.

Лиза колебалась, потом спрятала коробку в карман ветровки.

— Если они найдут...

— Не найдут. Ты научилась прятать чувства от них. Телефон — просто вещь.

Лиза улыбнулась.

— Вещь, которая стоит больше, чем моя свобода.

— Тогда береги её лучше, чем свободу.

Она проверила часы.

— Они скоро вернутся. Мне нужно идти.

— Иди.

— Рико... Спасибо.

— Просто не пропадай.

Лиза развернулась и побежала по тропинке. Не оглядываясь. Рико стоял, пока её силуэт не растворился в сумерках. В кармане звякнули мелочи — всё, что осталось от «чаевых». Пачка купюр ушла целиком. Он повернулся к городу. Шаг был лёгким. Он купил ей голос. Теперь она могла кричать, если потребуется. Куртка запахла плотнее от порыва ветра. Плана не было. Была только ночная смена в цеху, о которой говорил отец. Грузчик, подсобный — кто угодно. Там платили наличными. Там не спрашивали документов. Там ломали спины за месяц больше, чем здесь за год.

— Разберусь, — бросил Рико вслух. Голос унёс ветер.

Вечер. Братья шумели на кухне, но Рико прошёл мимо. Направился к кабинету отца. Постучал. Ещё раз.

— Войди, — голос Майкла был глухим.

Рико открыл дверь. Отец сидел в кресле у окна: голова откинута на спинку, глаза закрыты. Майкл открыл один глаз.

— Что тебе надо?

— Поговорить. Я готов к работе. К тому, что ты предлагал.

— Какую работу?

— Ночную смену. В цеху. Там платят больше.

— Ты с ума сошёл? — Майкл резко встал. Кресло скрипнуло, отодвигаясь. — Ты только что в ДТП был. Рёбра не срослись. Тебе учиться надо, а не тяжести таскать.

— Учёбу успею.

— Не успеешь, если тебя выгонят за неупеваемость.

Майкл подошёл к столу, бросил взгляд на настенный календарь.

— Стой... Сегодня какое число?

— Тридцатое августа.

— А что с твоим образованием? Ты документы подавал? Или будешь грузчиком до пенсии?

— Подал. Приняли.

— Куда?

— В государственный университет. Журналистика.

Майкл уставился на сына.

— Журналистика? Ты серьёзно?

— Да.

— Писать статьи? — Майкл рассмеялся. — Ты думаешь, это профессия? Это воздух. Ветер.

— Это слово. А слово влияет на людей.

— На людей влияют деньги и власть. Ты хочешь быть никем? Бегать с блокнотом, выпрашивать комментарии у таких, как я?

— Я хочу говорить правду.

— Правда? — Майкл ударил ладонью по столу. Стакан подпрыгнул. — Правда не кормит, не одевает, не спасает твою семью, когда придут проблемы.

— А ложь спасает?

— Ложь держит мир. — Перебил его отец. — Ты думаешь, я хочу тебе зла? Я вижу, как живут эти писатели. Ни-

щие романтики. Ты хочешь быть таким?

— Я хочу быть собой.

— Ты мой сын! — Голос Майкла поднялся до крика. Он шагнул к Рико. — Ты носишь мою фамилию. Ты обязан быть опорой, а не болтуном.

— Опорой можно быть по-разному.

— Нет вариантов! — Майкл подошёл к столу и встал вплотную; запах спирта стал резким. — Ты забудешь эту чушь и поступишь на экономический. Заочно.

— Я уже зачислен.

— Вычеркни себя из списков.

— Нет.

— Ты перечишь мне? В моём доме? После всего, что я для тебя сделал?

— Ты сделал много. Но это моя жизнь.

— Твоя жизнь — это то, что я тебе дам. — Майкл ткнул пальцем в грудь Рико. — Пока ты под моей крышей, ты будешь играть по моим правилам. Журналистика... Это путь в никуда. Ты думаешь, что уважающая себя девушка будет с тобой, когда у тебя не будет денег? Когда ты придёшь к ней в дырявых ботинках?

— А ты, я смотрю, спишь и видишь, чтобы я таким стал.

— Всё, что касается твоего будущего, — моё дело. — Майкл отвернулся и подошёл к окну. — У тебя есть ночь. Подумай. Завтра утром придёшь с заявлением об отчислении. И с паспортом — оформляться на склад.

— Я не приду.

— Тогда собирай вещи.

Рико смотрел на его спину. Широкие плечи, привыкшие нести чужие решения.

— Я не уйду. И не отчислюсь.

Майкл не обернулся.

— Тогда ты мёртв для меня.

— Я жив. — Рико развернулся к двери. — И я буду жить так, как считаю нужным. Даже если ты этого не примешь.

Он вышел.

Рико сидел на краю кровати. Мартин вошёл, остановился у порога. Тень от коридора резала его фигуру пополам. Глаза — большие, серьёзные, не по годам.

— Я слышал. — Голос ровный.

— Что слышал?

— Про работы. Две смены. Ночью и днём.

— И что?

— Зачем? — Мартин сделал шаг вперёд. Свет лампы хватил его лицо. — У отца есть деньги. У нас есть всё.

— Не всё. — Рико потёр переносицу. — Я хочу заработать сам.

— На что?

Рико посмотрел на свои руки: шрамы, мозоли.

— На телефон. И не только.

Мартин вышел. Скрип двери. Он вернулся. В руках — коробка: белая, глянцевая. Логотип телефона блестел под лам-

пой. Поставил её рядом с чашкой чая.

— Отец подарил мне на день рождения. И мама тоже. У меня их два.

Рико коснулся картона: гладкий, холодный.

— Мартин...

— Возьми один. Он новый. Даже не вскрывал.

— Это... дорого.

— Мне не нужно два. — Мартин повернулся к двери. — Один я ношу. Второй лежит. Лежит — значит, не работает. А тебе нужен.

— Я верну. Как только заработаю.

— Не надо. — Мартин остановился, не обернувшись. — Просто будь рядом. Чтобы Серхио не боялся. Чтобы мама не плакала.

Дверь закрылась почти бесшумно. Рико нажал кнопку включения. Экран загорелся. Синий свет осветил его лицо. Он набрал номер. Гудки.

— Алло? — Голос сонный, но мгновенно собранный.

— Это я. Мы снова слышим друг друга.

В трубке — шум ветра.

— Я знала. Всё будет хорошо, Рико.

— Как ты? К школе готова?

— А есть выбор? Ты там как, первокурсник?

— Отец сказал то, чего все остальные отцы боялись бы: что ждёт моего отчисления.

— И что ты решил?

— Это он решил. А я решил всё давно. Я хочу быть журналистом. И буду. И с тобой тоже буду.

— Упрямый.

— Весь в тебя. Стараюсь соответствовать.

Лиза рассмеялась.

— Рико, родители составили мне такой плотный график, что я не знаю, когда мы снова увидимся.

— Значит, я составлю свой график так, чтобы он совпал с твоими.

— У нас будет очень мало времени.

— Даже если это будет одна минута — я буду бороться за неё.

— Я тоже.

— Спокойной ночи, ёжик.

— Сладких снов, моё любимое зеркало.

Рико подошёл к окну. «Любимое»... Это того стоило. Он заметил тёмный внедорожник, припаркованный в тени у соседнего дома. В салоне горел огонёк — кто-то курил. Через пару минут машина уехала. «Показалось».

«Чужой холодный дом — немой укор»

1 сентября 2007 года. Суббота.

Город был украшен бантами и белыми рубашками. Школьники тащили букеты, родители щёлкали камерами. Рико стоял за стойкой в пропахшем хлоркой фартуке. Кофемашина плевалась паром, очередь не убывала.

— Два капучино, один латте без сахара! — крикнула Лина из-за кассы.

Мимо прошли трое подростков в форме — смеялись, толкали друг друга. Один оглянулся на Рико, скривился:

— В праздник пашешь? Бедолага.

Рико подвинул поднос. Лина заметила его взгляд.

— Не обращай внимания. Через час станет легче.

— Нормально.

Новый телефон в кармане ожил беззвучной дрожью. Рико не шелохнулся — голос мог выдать.

Дверь распахнулась, колокольчик звякнул. Вошёл парень — высокий, светловолосый. Джинсы потёртые, футболка яркая. Не стал в очередь, обошёл стол, обратился к Лине:

— Привет, босс. Сегодня с вами.

Лина улыбнулась — устало, но искренне.

— Марко, надеюсь, отпуск пошёл тебе на пользу. Пере-

одевайся. Фартук в раздевалке. И в следующий раз без опозданий.

— Не подведу.

Повернулся к Рико. Голубые глаза сузились, оценивающе.

— Ты новый?

— Рико.

— Марко. — Протянул руку. Ладонь была сухая, тёплая, с мозолями на пальцах. — Не парься. Мы тут шоу устроим.

Марко ловко жонглировал тряпкой, одновременно принимая заказ у стойки.

— Двойной эспresso, пожалуйста! — крикнул он, даже не обернувшись.

Рико стоял рядом, пытаясь запомнить, какой столик что заказал. В голове — каша. Марко пихнул его локтем.

— Эй, не спи. Третий столик — счёт. И не перепутай, как с предыдущими.

— Я не перепутал. Клиент сам сказал, что капучино, а оказалось — латте.

— Ага, а ты поверил. Клиент всегда прав? Забудь. Клиент — источник шума и недопонимания. Твоя задача — чтобы он ушёл довольным, даже если он неправ. Понял?

— Ты философ похуже меня.

— Я практик. Смотри.

К стойке подошла девушка с растрёпанными волосами и красными глазами — явно после ссоры или плохой новости.

— Мне... — начала она.

Марко подался вперёд.

— Слушаю вас. Не торопитесь.

Девушка всхлипнула.

— Двойной американо, пожалуйста. И... салфетку?

Марко протянул целую пачку, не спрашивая.

— Держите. И знаете что? Американо за счёт заведения.

У нас сегодня акция для красивых глаз.

Девушка слабо улыбнулась. Когда она ушла, Рико спросил:

— Какая акция?

— Никакой. Но она сейчас заплачет, а нам тут лужи не нужны. Да и кофе всё равно уже заварен. Лучше списать.

— Не смотри так. Я не добрый. Я просто ленивый. Убирать слёзы со стойки сложнее, чем сделать кофе бесплатно.

И ушёл принимать новый заказ. Заметив взгляд Рико, Марко обернулся.

— Что смотришь? — Вытирая стойку.

— Ничего.

— Ты на похоронах. Сегодня праздник.

— Для кого-то праздник. Для кого-то работа.

Марко остановился, бросил тряпку в раковину.

— Философ, значит. Ладно. После смены не уходи. Есть дело.

Вечер опустился быстро. Последний клиент ушёл в десять. Лина закрыла кассу, пересчитала купюры.

— Вы можете идти. — Обратилась она к Рико. — Марко,

закрой дверь.

— Мы ненадолго. — Марко уже открывал холодильник.
— Пара бутылок колы, остатки печенья.

Лина не стала возражать.

— Только стол чистый оставь. И стёкла целыми.

Она ушла. Остался дежурный свет над барной стойкой.
Марко поставил два стакана, наполнил тёмной колой.

— За знакомство.

Рико не притронулся.

— Я не пью.

— Кола, умник. — Марко рассмеялся.

— Зачем это всё?

— Скучно одному. Ты как призрак. Тень.

— Мне удобно.

— Удобно — это когда тепло. А ты как замёрзший.

Рико сжал стакан — пластик хрустнул.

— Устал.

— От работы?

— От всего.

Марко убрал ноги, наклонился вперёд. Свет падал на его лицо. Под левым глазом — свежий синяк. Рико заметил, скользнул взглядом ниже — на запястье, там, где рукав задрался: синяк. Форма пальцев. Марко перехватил взгляд.

— Драка. Глупая.

— Драка — вообще глупое времяпрепровождение. У меня тоже бывает, — добавил Рико тихо.

Марко заинтересовался.

— Да?

— Иногда проще уйти, чем объяснять.

— Уйти? Куда?

— Не знаю. В другой город. Начать с нуля.

— Мысль. — Марко постучал пальцем по столу. — А родители?

— Родители не в восторге от моих планов на жизнь. Вернее, они не в восторге, что они у меня вообще есть.

— Мои тоже. Мать пашет на двух работах. Отчим... — Марко глотнул колы. — В общем, дома неуютно. Поэтому я здесь.

— Здесь безопасно?

— Здесь я сам по себе.

— Ты куда осенью?

— Учиться.

— Куда?

— Журналистика.

Марко поставил стакан. Улыбка появилась снова — настоящая.

— Вот это совпадение. Я тоже. Государственный, первый курс.

— В одну группу?

— Скорее всего. Список вывешивают на неделе.

Марко протянул руку через стол.

— Значит, будем вместе терпеть лекции.

Рико протянул руку в ответ.

— Будем.

— Только одно условие. — Марко посмотрел на него. — Никаких кислых лиц на парах. Иначе я тебя подставлю на первом же семинаре.

— Попробуй.

— Договорились.

— Тоже рано в школу отдали?

— Да. 16 октября мне семнадцать исполнится. А тебе?

— 13 июля было семнадцать.

— Одногодки, получается. Ну что же: одна работа, один год рождения, один вуз и направление. Да, у нас много общего. — Марко закрыл дверь на замок.

Улица встретила холодом. Марко пошёл к остановке.

— Завтра выходной? — крикнул он.

— Смена.

— Тогда послезавтра. Созвонимся.

— У меня нет твоего номера.

— А точно. — Марко продиктовал цифры. — Запиши. Не теряйся, одnogруппник.

Автобус подъехал, заглушая слова. Марко запрыгнул в салон, махнул рукой.

В кармане слышался телефон. СМС.

Лиза: «С 1 сентября. Скучаю. Когда увидимся?»

Рико остановился под фонарём. Свет выхватил буквы из темноты. Краем глаза он заметил тёмный внедорожник у

трансформаторной будки — знакомый силуэт за рулём. В салоне кто-то резко отвернулся, пригнулся. Рико прошёл мимо, сделав вид, что ничего не заметил, но на углу оглянулся. Машина стояла на месте, двигатель работал. Позже, глядя в окно подъезда, он увидел, что внедорожник исчез.

Рико набрал ответ:

«Скоро. Обещаю».

Утро началось не с солнца, а с запаха горелого кофе. София сидела в гостиной, сложив руки на коленях.

— Ты ничего не хочешь сказать? — Её голос был тихим.

Рико остановился в дверном проёме. Ключи в руке звякнули в ответ.

— А что, это кому-то интересно?

— Ты опять строишь из себя жертву? — София приподняла подбородок. — Ты думал о будущем? Шляешься неизвестно где, приходишь за полночь. Что происходит?

Рико сжал край рубашки — ткань хрустнула.

— Думал. Я решил. В будущем буду священником.

Дверь гостиной скрипнула. Майкл появился в проёме, поглощая свет из коридора. Пиджак застёгнут на все пуговицы, галстук затянут туго.

— Я всё слышал! — Его шаг был тяжёлым, пол будто прогибался. — Ты хочешь, чтобы наш род закончился? Писать бумажки?

— А остальные трое? — Рико не дрогнул. — Думаю, они справятся.

— Если бы ты хоть раз подумал! — Майкл ударил ладонью по столу. Чашка подпрыгнула, кофе расплескался по скатерти, растекаясь бурым пятном. — Тебе всё равно на свою жизнь!

— Я смотрю, вы за всю жизнь только этим и занимались — думали за меня! — Рико выпрямился. — Будто я инструмент.

— Да? Всю жизнь посвятив тебе? — София встала. Стул скрежетнул, отъезжая с визгом.

— Нет, мам. Ты снова пытаешься сделать меня виноватым.

Рико развернулся и направился к комнате.

— Пойдёмте. — Он бросил через плечо.

Родители переглянулись и последовали за ним. Комната Рико. Шкаф. Он распахнул дверцу резким движением, указал на верхнюю полку:

— Смотрите.

Там, в полумраке, стояли кубки. Металл потускнел, покрывшись серым налётом. Грамоты в рамках пожелтели, углы завернулись от времени.

— Вы видите это? — Рико взял один кубок. — Сейчас вы впервые обращаете на них внимание.

Он провёл пальцем по поверхности. На подушечке осталась серая полоска пыли.

— Вы никогда не замечали моих успехов. Не радовались победам. Вас не было рядом, когда мне было хорошо или

плохо. Для вас я — инструмент для достижения ваших целей. Но вы не видите во мне личность.

Кубок глухо опустился на полку.

— Я вырос. Меня ждут на бюджете в государственном университете. Да, пап, буду писать бумажки. Как ты. Я выигрывал олимпиады ежегодно, но вам это неизвестно. И да, я месяц работаю в кафе. Скоро мне восемнадцать. Возьмут на полную ставку. Прости, что не стал грузчиком. Не оправдал надежд.

Майкл опустил голову. Впервые за годы его взгляд не мог пробить защиту сына. София прижала ладонь к груди.

— Много новостей за пять минут, правда?

— Да уж. — Голос отца потерял сталь, осталась пустота.

— Я рассказывал вам это. В перерывах между вашими «не сейчас», «я занята», «возьмись за ум».

Рико подошёл к двери, взял куртку.

— Я ответил за каждое слово. А сейчас мне пора.

— Куда? — хором спросили родители. Голоса слились в один растерянный звук.

Рико остановился, рука на ручке.

— На работу. Ах да, кому это интересно?

Рико спустился по лестнице. Ноги ныли после смены. У подъезда стоял велосипед — цепь смазана, рама чистая. Он сел в седло. Пришло сообщение.

Лиза: «С добрым утром. Как прошло?»

Рико остановился на перекрёстке. Светофор мигал жёл-

тым. Перед глазами всплыло лицо отца, пыль на рамках. Набрал:

«Чужой холодный дом — немой укор. Вечером увидимся».

Убрал телефон, нажал на педали. Впереди виднелось кафе. У входа притормозил, занёс велосипед к стене.

Лина подняла голову:

— Всё плохо?

— А бывает иначе?

— Фартук в раздевалке. Кофемашина уже устала ждать.

Рико прошёл мимо столиков. Книга лежала там же, где он её оставил. Проведя пальцами по обложке, отодвинул стул, не садясь.

— Лина сказала, ты один в зале. — Раздался голос.

Рико обернулся. Марко стоял рядом — уже в фартуке.

— У тебя выходной.

— Поменялся.

Марко взял поднос с грязной посудой и ушёл на кухню, а вернувшись, поставил на стол чистые стаканы.

— Не зависай. Через десять минут привезут школьников. Готовься.

Дверь начала хлопать почти сразу. Запах молока, кофе, мокрой одежды. Голоса, заказы, шаги. Рико работал без остановок. Ошибки не прощались. Марко двигался рядом — без слов. Рико тянулся за тряпкой, а в руке уже оказывалась чистая. Марко указывал на стол — Рико нёс счёт. Движения

подстраивались сами. К часу поток схлынул. В зале остались двое студентов и старушка у окна.

— Пошли. — Марко вёл в сторону моечной.

Моечная встретила паром и гулом вытяжки. Марко включил воду — струя ударила в металлический короб. Они встали рядом, плечо к плечу. Марко окунул губку — вода плеснула на фартук.

— Отлично. Опять это корыто плюётся.

Вытерся, но ткань сразу потемнела от влаги.

— Слушай, ты на что копишь?

Рико отжал тряпку и кинул ему чистую. Марко поймал.

— Быстро, однако. Спорт?

— Практика.

— Ясно. — Марко провёл губкой по тарелке. — Так на что?

Рико взял тарелку с отколотым краем, провёл пальцем по трещине.

— На отдельную квартиру.

— Скучно.

— Там тихо.

— И всё?

— Этого хватит.

Марко сунул руки в воду.

— Я на велик коплю. И на шмотки. Чтобы в любой момент уйти.

Он поднял руку. На запястье — свежий синяк.

— Нравится?

Рико скользнул взглядом по синяку.

— Яркое. Главное, чтобы тебе нравилось.

Их смех прорезал тишину — резкий, неожиданный. Из зала донеслось:

— Эй! Вы там жить собрались?

Марко прикрыл рот рукой. Рико прислонился лбом к шкафу. Смех сбивался, возвращался снова. Они выровнялись и вернулись к посуде. Через минуту уже работали в прежнем ритме. В зал вышли одновременно: Рико — к столам, Марко — к стойке.

Вечер растянулся. Уборка заняла больше часа. Свет погас.

— Завтра один? — спросил Марко.

— Да.

— Зайду.

Рико поднял глаза.

— Зачем?

— Проверю, жив ли.

Коротко коснулся плеча Рико.

— До завтра.

Повернулся и пошёл к остановке. Рико остался у двери, следил, пока Марко не исчез за углом.

Рико сидел на бревне. Оно казалось ледяным монолитом. Он смотрел на воду: чёрная масса медленно катилась через камни, унося обрывки листьев. Шорох гравия позади заставил напрячься. Рико не обернулся. Шаг был знаком — лёг-

кий, крадущийся, человек боялся оставить следы. Сначала появился силуэт, потом бледное лицо под капюшоном. Лиза не садилась — стояла, пар вырывался частыми облачками.

— Мне нельзя задерживаться. Мама проверяет комнату через полчаса. Если увидит пустую кровать...

Лиза вложила в его ладонь смятый листок — холодный и влажный.

— Расписание.

Капюшон натянут ниже.

— Ты хотел увидеть график, чтобы понять, когда мы не увидимся? — Голос дрожал, но тише воды.

Рико развернул листок. Понедельник, среда, пятница. Между строк — пустота.

— Чтобы понять, когда увидимся, — отозвался он ровно.

Лиза сделала шаг назад. Её руки дрожали.

— Между строчками нет места. Я бегаю, как заводная кукла. Если я вмешаю тебя...

— Я вмешаюсь сам.

Слова прозвучали резче, чем планировал. Мягкость здесь была роскошью.

— Я проверил смены в кафе и расписание университета. Подстроюсь. Если не получится... Пару занятий по высшей математике можно пожертвовать.

— Зачем? — Тревога читалась в её глазах, чёрные глаза блестели в темноте. — Это не жизнь!

— То, что сейчас происходит, — вот это не жизнь.

Лиза отвернулась. Профиль лица казался выточенным из камня, но подбородок дрожал.

— Ты не должен этого делать. Я не просила жертв.

— Жертва — это когда есть пострадавшие. А у нас — логистика.

— Логистика? Ты говоришь обо мне как о грузе.

— Я говорю о времени, которого нет.

Он коснулся рукава куртки. Холодная ткань, под ней — пульс. Живое.

— Если я буду рядом, тебе не придётся сбегать ночью. Не врать. Я предлагаю выход. Не авантюру.

Она замолчала. В глазах стояла вода, но слёзы не падали.

— А если запретят?

— Найду другой путь. Живу так всю жизнь. Не привыкать.

Лиза резко отдёргнула плечо. Шаг, разворот, шаг — словно птица в клетке, забывшая, что дверь открыта.

— Проблема не во времени. Мы живём в разных мирах. Ты — бунтарь. Я — проект. Чем больше пытаешься вписаться, тем сильнее они чувствуют.

— Пусть чувствуют, — Рико подошёл ближе.

— Ты не боишься?

— Боюсь.

— Чего?

— Что ты привыкнешь жить без меня. Что однажды помотришь на график и поймёшь: нет места для «кофе после тренировки». Не потому, что запрещено, а потому, что не

нужно.

Плечи Лизы дрогнули.

— Этого не будет. Факт, не обещание.

— Ты не можешь знать.

— Я могу больше, чем ты думаешь.

Она уткнулась лицом ему в куртку. Запах кофе, табака и дождя. Глубоко вдохнула.

— Ты упрямый, — Лиза тихо рассмеялась.

— Выучил у лучшей.

Смех утонул в шуме воды, но Рико слышал его громче грома.

— Мне пора.

— Я провожу.

— Нет. Здесь. Чтобы никто не видел.

Она отстранилась — тревога снова отразилась в чертах лица.

— Рико.

— Да?

— Если... Не ломай себя. Обещаешь?

— Обещаю.

— Врёшь.

— Да.

Лиза развернулась и направилась к тропинке. Не оглянулась. Рико стоял, пока шаги не стихли. Достал листок, развернул. Между строк — пустота. Он повернулся к городу. Огни горели ровно. Рико зашагал к дороге твёрдым шагом.

В кармане шуршало расписание. План был готов, оставалось лишь выполнить его — цена не имела значения.

«Кто я теперь — без масок и ролей?»

Рико поправлял манжет. Белая рубашка плотно облегла плечи, воротник цеплял кожу. Он накинул куртку, оставив видимым только воротник. На стене кафе над рабочим местом висело расписание. Лина отмечала смены красным, Рико — синим. К вечеру синие полосы сгущались, как тёмные штрихи на графике его дня.

Лекции сливались в гул голосов. Рико крутил ручку, конспект остался пустым. В голове — маршрут: от корта до дома двадцать минут, плюс пробки, запас — ещё пять. Числа легче, чем люди. Марко ткнул его локтем:

— Спишь с открытыми глазами?

Рико поднял голову.

— Просто думаю.

— О расследованиях?

— О логистике.

После занятий — смена в кафе. Лина перехватила его у стойки.

— Опять меняешь смену на пятницу?

— Нужно.

— Управляющий уже задаёт вопросы. Ты здесь не один.

— Отработаю. В выходные возьму двойную.

Она взглянула на его руки, сжатые в полотенце.

— Выглядишь усталым. Она того стоит?

— Она — причина, почему я ещё стараюсь.

Сомнение читалось в глазах Лины.

Рико стоял у спорткомплекса, два бумажных стакана в руках. Пар поднимался тонкими струйками. Он не смотрел на часы — прислушивался к шуму двигателя вдали. Фары выхватили фигуру из тьмы. Лиза шла быстро, сумка стучала о бедро. Плечи опущены, шаг уверенный. Капюшон натянут, глаза прикованы к дороге. Шаг замедлился, но она не остановилась.

— Ты опять здесь? — Голос тихий, усталый, с раздражением.

Рико протянул стакан.

— Горячий. Сладкий.

Она приняла его, пальцы коснулись картона и быстро отдёргнулись от жара. Взгляд скользнул по воротнику, выглядывавшему из-под куртки.

— Сменил стиль?

— Просто одежда.

— Тебе идёт. — Лиза сдвинула рукав куртки, обнажая манжет рубашки. — Белая... Обычно ты в чёрном.

— Хотел перемен.

— Мне нравится. — Одобрение мелькнуло и сразу исчезло. Лиза сжала ремень сумки. — Выглядишь взрослее.

— Стараюсь.

— Тебе не нужно меня ждать каждый день. Университет, работа...

— Я не жду. Просто наш путь совпадает.

Лиза уловила ложь, но промолчала.

— Каждый день в это время...

— Пей, пока не остыло. Машина скоро.

Из-за поворота вынырнул свет. Лиза отступила в тень столба. Рико остался неподвижен: руки в карманах, взгляд — на дороге. Стекло опустилось. Белла оценивала дочь и парня.

— Лиза, быстро.

— Да, мама.

Дверь захлопнулась. Машина тронулась. Рико допил кофе. Остывший пар исчез. Он шагал спокойно, но каждое движение отдавалось в груди — напоминание: этот путь, эти встречи повторятся снова.

Пятый день. Река. Они сидели на бетонном парапете, ноги свешивались вниз. До дороги далеко — слышно было только течение и редкие проезжающие машины. Рико перелистывал её расписание. Бумага морщилась в углах.

— Суббота свободна до обеда.

— Тренер разрешил отдохнуть. — Плечи Лизы были напряжены. — Но мама настаивает на дополнительных занятиях.

— Отменишь.

— Нельзя.

— Скажешь, что голова болит. У тебя есть право на слабость.

Лиза улыбнулась.

— Ты становишься похож на моего стратега.

— Я просто ищу окна. И не чтобы в них выйти.

— Спасибо. Ты даришь мне свободу.

По противоположному берегу ползла машина. Окна были открыты, из салона доносилась музыка: гитара, мягкий перебор, мужской голос. Мелодия плыла над водой, обрывалась, возвращалась — знакомая. Рико закрыл глаза. Лиза подняла голову. Машина скрылась за поворотом, но мотив остался, висел в воздухе.

— Что это?

— Не знаю. Но звучит как мы.

— Как мы?

— Спокойно. Даже когда вокруг шум.

Лиза закрыла глаза.

— Запомнишь?

— Уже.

Они больше не обсуждали это. Когда Рико провожал её до калитки, он достал телефон.

— Диктуй.

— Что?

— Мелодию.

Лиза оглянулась на окна дома — тёмные, пустые.

— Здесь?

— Быстро.

Она тихо повторила мотив. Рико вбил последовательность нот в редактор рингтонов и сохранил.

— Теперь у меня. А у тебя?

Лиза достала свой телефон — новый, тот, что он подарил.

— Покажу потом. Когда буду в безопасности.

— Договорились.

Седьмой день. Университет. Аудитория заливалась голосами. Первокурсники делились впечатлениями о первой неделе.

— Ты изменился. — Марко изучал Рико.

— В смысле?

— Глаза. Раньше пустые. Сейчас что-то видят впереди. И одежда... Выглядишь на собеседование, а не на лекцию.

— Просто нашёл причину вставать по утрам.

— Девушка?

Рико не ответил. Вынул телефон. Он улыбнулся. Марко заметил.

— Больше, чем просто девушка.

График держался. Ни одного сбоя. Родители Лизы не замечали подмены маршрута. Отец больше не спрашивал, почему он возвращается домой после полуночи. Усталость оседала в костях. Но когда телефон звонил тем мотивом, боль отступала.

Десятый день. Вечер. Тот же фонарь. Та же улица. Рико не оборачивался. Он знал: сейчас появится свет фар. Двигатель

урчал низким басом, вибрации доходили до ботинок. Белла за рулём сидела неподвижно, взгляд прикован к дороге. Стекло не опустилось. Машина не была транспортом — это была клетка, временно выпустившая добычу погулять. Лиза выскочила из задней двери быстрее, чем обычно. Подошла к Рико, кутаясь в воротник куртки. В руках не было кофе, только крышка от термоса, укутанная в шерстяной платок.

— Возьми. Имбирь и мёд.

Рико принял импровизированную чашку. Металл обжигал ладонь даже через ткань.

— Спасибо.

— Пей. Ты измождён. Хуже, чем я.

Он сделал глоток. Жидкость обожгла горло, тепло растеклось по груди. Резкий вкус имбиря перебил выхлопные газы, зависшие над дорогой.

— Держись? — Лиза скользила взглядом по тёмному проспекту, фиксируя каждое движение тени. Проверяла периметр.

— Смены сдвинул. Университет... Там, где преподаватель не смотрит в журнал, меня нет.

— Рико...

— Всё под контролем.

Контроля не было — лишь балансирование на краю, где одно неверное движение могло разрушить всё: учёбу, работу, её спокойствие. Но говорить об этом — заставить её волноваться. А сейчас нужно было верить: кто-то сильный дер-

жит небо над их головами.

— Они заметили? — Рико кивнул на машину, скрывающуюся за горизонтом.

— Мама спросила, почему я спешу. Я сказала, что хочу спать.

Пар вырвался белым облаком и растворился в темноте.

Лиза достала телефон. Экран вспыхнул в полумраке, освещая лицо — тени легли глубоко в глазницы.

— Слушай. Насчёт той песни. С реки.

Рико помнил тот момент: гитара из проезжающей машины, мелодия, повисшая над водой.

— Нашёл трек. Скачал. Закинул через кабель.

— Я тоже. — Лиза повернула экран к нему. В списке вызовов мелькнуло название трека. — На основной. И на сообщения.

— У меня так же.

— Теперь, если услышишь эту мелодию...

— ...Значит, это ты.

— Или я думаю о тебе. Даже если телефон молчит.

Лиза убрала телефон. Пальцы задержались на стекле.

— Мне пора. Пока тренер не заметил отсутствие.

Она сделала шаг назад, ещё один. Дистанция между ними росла.

— И... спасибо. За то, что делаешь. За то, что показываешь меня настоящую.

— Это только начало.

Лиза повернулась и пошла к спорткомплексу.

Рико сидел на скамье за углом дома. Лиза появилась из-за поворота без сопровождения.

— Виола? — спросил Рико, едва она села рядом.

— Позвонила маме. Сказала, что тренер срочно вызвал меня на индивидуальную работу с физиотерапевтом. Без родителей. Конфиденциально.

— И поверили?

— Виола умеет убеждать. — Лиза улыбнулась. — Плюс... они боятся её злить. После больницы она стала авторитетнее.

План сработал. Чужими руками он купил ей несколько часов свободы.

— Как себя чувствуешь?

— Как сбежавший заключённый. — Лиза рассмеялась. — Лучшая тренировка за год.

К ним подошли братья. Лиор пнул камешек, Мартин шёл следом, руки заправлены в слишком большие джинсы.

— Мы не помешаем? — Голос Лиора ровный, глаза блестят.

— Присаживайтесь. — Рико подвинулся.

Мартин сел рядом с Лизой, сразу нашёл с ней общий язык без слов. Лиор занял место напротив, скрестив руки на груди.

— Ну что, Лиза, — Лиор качнул ногой, — разрешили выйти из клетки?

— Лиор, — предупредил Рико.

— Я просто интересуюсь. Редкий вид в дикой природе.

Лиза достала мандарин, начала чистить. Цитрусовый запах перебил пыль и асфальт.

— Вкусно? — Мартин протянул руку.

Лиза разделила дольку, протянула ему. Он принял. Лиор фыркнул.

В конце улицы появилась компания девочек. В центре — девочка в ярком пышном платье, держит гелиевые шары. Подруги смеются, хлопают в ладоши. Рико скользнул взглядом по девочкам, отметил движение, цвет, контраст с серым вечером.

— О, наша королева двора пошла, — протянул Лиор. — День рождения отмечает. Судя по платью — юбилей династии.

Пальцы Лизы зависли над мандарином.

— Королева двора? — Переспросила.

— Да. Ты — принцесса тенниса. Строго, по расписанию, в форме. А она — принцесса двора. Смотри, Рико даже взгляд отвести не может.

— У неё день рождения был в августе. Двадцать третьего.

— Вот как? — Он наклонился. — А ты помнишь. Точно.

Лиза сжала кожуру мандарина, сок брызнул на пальцы.

— Видишь, — Лиор указал на удаляющуюся блондинку, — у подруги праздник, а Дина ярче всех. Всегда. Она как маяк. А ты... — Взгляд метнулся к Рико, потом к Лизе. — Рико всегда обожал блондинок. Да и Дина по нему сохнет.

Слышал.

Лиза резко встала. Подхватила сучковатую ветку с земли, замахнулась и метнула в Лиора. Ветка ударила его в плечо. Глухой стук.

— Ты серьёзно?! — Лиор отшатнулся. — Рико, видишь? Она меня ударила!

Рико посмотрел на Лизу.

— Правильно. Так и надо.

Лиор опешил.

— Что?

— Если она будет регулярно вставлять тебе нагоняй, станешь человеком. — Рико подмигнул Лизе. — Добро пожаловать в семью.

Мартин наблюдал молча: напряжённые плечи брата, сжатые кулаки Лизы, потирающий плечо Лиор.

— Да. Я бы хотел, чтобы Лиза была нашей семьёй.

Лиор перестал тереть плечо. Рико повернулся к Мартину.

— Тогда у нас будет больше музыки.

Лиза опустила руки, плечи расслабились.

— Спасибо, Мартин.

Рико накрыл ладонь Лизы своей. Тёплая, живая.

— Всё сложно. Но справимся.

— Справимся.

Лиза отпрянула, посмотрела на часы.

— Мне пора. Легенда действует до восьми.

Она шагнула к нему быстро, чмокнула в щёку.

— До скорого.

Мартин подошёл к Рико, встал рядом.

— Ты счастлив сейчас?

Рико поднял глаза к небу. Первые звёзды пробивались сквозь свет города.

— Да.

— Тогда оно того стоит.

Братья ушли домой. Рико задержался. Достал телефон. Вибрация. Сообщение от неизвестного номера:

«Виола: Они ничего не заподозрили. Но в следующий раз платишь ты. Кофе с меня».

Выходные дали передышку. Университет и лекции ушли на второй план, кафе — долгожданный единственный выходной. Осталось одно обязательство — семья. Серхио мечтал о воде уже неделю. Крутился вокруг старшего брата, дёргал за рукав.

— Сегодня поедem?

— Сегодня. Но только если будешь слушаться.

— Буду! Я буду как дельфин!

Рико знал это по себе, по Лиору, по цене ошибок.

Дорога до пляжа заняла двадцать минут. Людей не было. Рико выбрал место с постепенным уходом дна в глубину.

— Сначала ноги, — инструктировал он, заходя по колено.

— Потом руки. Голова не опускается.

Серхио плескался, дёргал конечностями, пытался «кусать» воду. Рико держал его под животом, страхуя каждый

удар. Солнце пекло спину, холодная вода освежала ноги. Контраст успокаивал. Через час Рико вышел на берег. Тело ныло после недели недосыпа. Он лёг на полотенце, закрыл глаза, подставив лицо солнцу.

— Серхио, играй у кромки. Без разрешения в воду не заходить.

— Хорошо!

Шум воды слился с гулом в ушах. Рико провалился в короткое забытие.

Не крик разбудил его, а тишина. Исчез плеск. Исчезло шуршание камешков. Он открыл глаза. Берег пуст. Вода в десяти метрах всплеснула. Маленькая голова мелькнула и ушла под поверхность. Рико встал, побежал. Холод воды, тяжесть брата, который стал неподъёмным. Серхио хватал ртом воздух, захлёбываясь. Пальцы вцепились в Рико, тянули вниз.

— Тихо! Я здесь! — Рико рванул к мелководу.

Он выгреб, положил брата на песок. Серхио закашлялся, выталкивая воду, губы посинели. Рико сидел рядом. Руки тряслись. Видел только зрачки брата, отражающие его собственное лицо.

— Я хотел... показать... — прошептал Серхио, зубы стучат.

— Молчи. — Рико обернул его в полотенце. — Одевайся. Едем домой. Всё хорошо. Бывает. Будет что вспомнить.

Обратный путь прошёл в молчании. Серхио сидел на зад-

нем сиденье велосипеда, прижавшись лбом к спине брата. Каждый толчок отдавался в солнечном сплетении. Он отвлёкся. Всего на минуту. Но в его мире минуты стоили жизней. У подъезда их встречала София. Она вышла вынести мусор, увидела мокрые волосы сына и бледное лицо младшего.

— Что случилось?

— Упал в воду. Всё хорошо.

— Как упал? Ты куда смотрел? — Мать ощупывала руки, ноги, шею Серхио. — Ты же обещал!

— Я был рядом.

— Мало быть рядом! Нужно смотреть!

Она увела Серхио в квартиру. Рико остался в прихожей, стягивая кроссовки. Вода из одежды растеклась по полу тёмной лужей.

Из гостиной вышел отец. Майкл в дверном проёме, скрепив руки. Всё уже видел.

— В кабинет.

— Серхио нужно согреть...

— Им займётся мать. Ты — ко мне.

Майкл сел за стол, указал на стул напротив.

— Садись. Объясни.

— Он ослушался. Зашёл глубже, чем разрешил.

— А ты?

— Я был на берегу.

— Был, — повторил отец. — Пока твой брат тонул.

— Я вытащил его. Быстрее, чем приехала бы скорая.

— Ты создал ситуацию, где скорая вообще понадобилась.

Майкл открыл ящик, достал папку, положил перед Рико.

— Думал, ты повзрослел. После университета, после работы... Но ты всё ещё ребёнок, играющий в героя.

— Я спас его.

— Рисковал двумя жизнями вместо одной. Если бы утонули оба? Что бы я делал? Хоронил сыновей в один день?

Рико сжал кулаки под столом.

— Этого не случилось.

— Сегодня не случилось. Завтра поедешь куда-нибудь, где нет меня. Послезавтра забудешь проверить газ. Ты берёшь на себя ответственность, которую не можешь нести.

Майкл встал, подошёл к окну.

— С этого момента не отвечаешь за братьев. Вообще. Ты — студент. И работник в кафе. Хотел своей жизни? Пожалуйста. Действуй. Один.

— Пап, я справляюсь.

— Нет. Не справляешься. Самонадеянность опасна.

— Опасна моя самонадеянность или твоё отсутствие? Где ты был, когда мы жили в другом районе? Где ты был, когда Мария...

— Не смей. — Голос стал ледяным. — Не используй её имя, чтобы прикрыть ошибку.

— Получается, — тихо сказал Рико, — я лишний элемент системы.

— Ты — сын. Делай, что сказано. Иди.

Рико вышел. В коридоре столкнулся с Лиором.

— Жив? — Лиор кивнул в сторону комнаты Серхио.

— Жив.

— А тебе досталось.

— По делу.

— Не уверен. Он ищет повод, чтобы ты не высывался.

Чтобы сидел тихо.

Рико прошёл в свою комнату. Закрыв дверь. На столе экран телефона загорелся в полумраке. Сообщение от Лизы:

«Как выходные?»

Рико взгляделся в буквы. Пальцы зависли над клавишами.

Отправил:

«Нормально. Устал. Учил брата плавать».

Отложил телефон, подошёл к окну.

— Я справлюсь, — прошептал в стекло.

Дома он больше не нужен. Там, где работает, — обслуживающий персонал. В университете — студент. Оставалось только то, что запрещено.

Поздний вечер. Братья вернулись десять минут назад. Рико решил прогуляться.

— Эй, Рико!

Голос прорезал ночь. Рико остановился. Из темноты аллеи вышел человек. Высокий, в яркой футболке. Марко. Он шёл легко, руки в карманах джинсов.

— Куда так поздно? Выглядишь так, будто тебя только что

выгнали из рая. Или туда не пустили.

— Просто устал. Не мой день. Хотя... Не помню, когда день был моим последний раз.

— Усталость проходит. А вот глаза такие... Это серьёзно. Что случилось?

— Дом. Они не понимают. Никогда.

Марко встал рядом, опёрся плечом о шершавый ствол дерева.

— Родители... Всегда такие. Думают, что карта местности у них в голове — единственно верная.

— А если карта ведёт в тупик?

— Тогда нужно свернуть.

Марко оттолкнулся от дерева.

— Знаешь что? Иногда нужно отдохнуть от всего этого. Пойти куда-нибудь, где тебя не достанут нравоучения. Где нет стен.

— Просто взять и уйти?

— Почему бы и нет? Мы можем гулять до утра. Смотреть город, говорить, забыть обо всём. Иногда это лучшее лекарство.

Мысль провести ночь вдали от дома казалась пугающей. И притягательной.

— Ладно. Давай попробуем.

Марко положил руку на плечо Рико.

— Вот это я понимаю! Пошли?

Они двинулись в центр.

Марко рассказывал о приключениях. О том, как сбежал из дома в тринадцать лет. Провёл ночь на вокзале, слушая отправления поездов.

— Самое странное, — говорил он, — когда понимаешь: тебе некуда идти, становишься свободным. Нет обязательств. Нет ожиданий. Только ты и асфальт. Кто я теперь — без масок и ролей?

Рико слушал. Можно было просто идти.

— Иногда нужно отпустить всё, — продолжал Марко, — не думать, что скажут другие. Не переживать о будущем. Быть здесь и сейчас.

Рико взглянул на воду. Отражение луны дрогнуло под течением.

— Ты прав. Иногда я слишком много думаю. О будущем, о прошлом... Но здесь, с тобой, я чувствую себя...

— Живым, — подсказал Марко.

— Да. Живым.

Марко улыбнулся.

— Видишь? Нужно быть с кем-то, кто понимает. И знаешь что? Ты не один. Я всегда рядом.

Светало. Они остановились у берега. Вода блестела. Рико повернулся к Марко.

— Спасибо. Ты помог мне сегодня.

— Не за что. Просто помни: ты не один. Не бойся быть собой. Всё остальное приложится.

— Пошли кофе пить, — предложил Марко. — Я знаю ме-

сто, где варят нормально. Без вопросов.

— Пошли.

Они повернули от реки. Рико шагнул в утренний свет.

«Лишь шёпот вслед и холод от людей»

Рико шёл по тротуару, натягивая куртку сильнее, — зубы сжимались сами собой. Холод пробирал до костей, но он радовался этому. Каждый шаг делал его внимательнее, сосредоточеннее.

Они не виделись пять дней. Сначала — матч Лизы, потом Белла объявила карантин. Телефон Лизы лежал мёртвым грузом в сумке родителей. Единственная связь — короткие сообщения.

— Окно завтра. 17:30–18:00. Репетитор уезжает рано, мама будет в магазине. Если папа не вернётся раньше, — прочитал Рико сообщение несколько раз, стоя под козырьком подъезда. 17:30. Он будет там.

На следующий день он отпрашивался с работы пораньше. Лина только взглянула на него:

— Шарф возьми, простынешь.

Рико купил толстый серый шарф — мягкая шерсть, длинный, как удав. Расплатился, смял купюры в кармане — оставалось только на чай. Дома вырвал листок из тетради. Шариковая ручка царапала бумагу. Он написал коротко: «Чтобы ветер не крал твоё тепло. Я рядом, даже когда меня не видно». Сложил записку, спрятал в карман шарфа. Позво-

нил Лине:

— Зайди. Дело есть.

Лина пришла, оглядела шарф. В её улыбке проскользнула ирония:

— Курьер? Романтик... Ладно, передам Виоле. Но если меня спалят...

Она уложила шарф в пакет.

— Ты как? Отец не достаёт?

— Нормально.

— Вчера приходили двое, спрашивали про тебя. Сказали, из службы безопасности. Глаза у них были наблюдающие. Я сказала, что ты здесь временно. Будь осторожен.

17:25. Он стоял за углом особняка, в тени старого дуба. Куртка нараспашку, руки в карманах. Не прятался, хотя понимал риск. Быть здесь — не чтобы звать Лизу. Просто показать, что он рядом. Окно второго этажа. Свет ровным жёлтым квадратом за шторами. Краешек шторы дрогнул. Лиза выглянула вниз. Бледное лицо в темноте, глаза — как светлячки. Она не махнула, не подала знака. Просто смотрела. Рико стоял не шевелясь. Не мог разглядеть эмоции, но ощущал её внимание. Шторка вернулась на место, свет погас. Он постоял и ушёл, оставшись незамеченным.

Через несколько дней он снова подошёл к дубу. «Окна» не было, но привычка тянула его к этому месту. Второй этаж — пусто, свет не горит. Когда Рико уже собрался уходить, движение в окне первого этажа привлекло внимание. Кухня.

Маленький силуэт на подоконнике — Агата. Она прижалась носом к стеклу, улыбалась во весь рот, рука взлетела вверх, замахала. Рико улыбнулся в ответ, поднял ладонь.

Через два дня Марко поймал его в университете и оттащил к окну:

— Слушай, шестнадцатого занят?

— А что?

— День рождения. Отмечать... Не с кем особо. Думал, может, давай вдвоём?

Рико вспомнил семнадцать лет: торт, крики, пустоту. Закрыв глаза:

— Давай.

16 октября. Марко привёл Рико в маленькую пиццерию на окраине, где подавали толстые ломтики и наливали домашний лимонад. Марко заказал две пиццы и бутылку «Кока-колы». Достал из рюкзака шоколадный кекс с воткнутой свечкой.

— Свечу спёр на кухне, — начал Марко, чиркая зажигалкой.

Рико следил за дрожащим огоньком. В жёлтом свете лицо Марко выглядело старше, резче.

— Загадывай.

Марко зажмурился, пламя погасло. Он разломил кекс пополам и протянул половину Рико.

— С одиннадцати лет дни рождения не праздновал. Мать пирожок купит — и ладно. А вот так, с кем-то... — Хлебнул

колы. — Спасибо, что пришёл.

Рико жевал суховатый кекс.

— Бывает. Сам с одиннадцати лет перестал жить.

— Ты всегда так мало говоришь?

— Ты за двоих отдуваешься. Пей, давай, именинник.

Они просидели два часа. Говорили о преподѣ, который за-
нуднее накопителя, о столовой, где лучше кормят, о фильме,
который Марко хотел посмотреть. Ни слова о доме, об от-
цах, о синяках. Это было негласное правило. Марко застег-
нул куртку до подбородка.

— Провожать не надо. Я сам.

— С днём рождения. Теперь уже ровесник.

— Ага.

Марко развернулся, сунул руки в карманы, пошёл прочь.
Через полквартила обернулся, махнул рукой и скрылся в
темноте. Рико остался. Достал телефон, набрал короткое:
«Спокойной ночи».

Ответ пришёл: «Спокойной. Я видела».

«Видела». Значит, он есть. Даже когда не видно.

Рико сидел на подоконнике, листал конспект, краем глаза
следил за дверью аудитории. Марко влетел как ураган, раз-
махивая газетой.

— Ты видел?! — заорал он. Несколько человек оберну-
лись.

Рико поднял голову.

— Что?

Марко ткнул пальцем в разворот газеты. Внизу мелким шрифтом значилось: «Конкурс молодых журналистов памяти Марии Беллучи». Рико схватил газету. Победители. Первое место в категории «Эссе на социальную тему» — Рико, студент первого курса факультета журналистики. Тема: «Цена молчания. Почему мы забываем тех, кто ушёл».

— Чёртов гений! — Марко хлопал его по плечу. — Дежный приз и публикация! Ты теперь звезда!

Рико перевёл дыхание. Эссе он писал месяц назад, на одной из первых лекций. Преподаватель предложил поучаствовать, и Рико выплеснул на бумагу всё, что болело: о Марии, о том, как легко люди стирают память о погибших, о том, что молчание убивает дважды.

— Когда вручение?

— Завтра! В ратуше! В смокинге! — Марко хохотал. — Ладно, шучу. Но прилично оденься.

На следующий день Рико стоял в старом здании муниципалитета, в белой рубашке и чёрных брюках. Кто-то вручил диплом в толстой кожаной папке и конверт с деньгами — сумма казалась нереальной.

— Молодой человек, — пожилой редактор пожал руку, — у вас талант. Приходите после учёбы, поговорим о стажировке.

Его голос слышали. Вечером дома отец пил чай, читал бумаги.

— Пришёл? — Майкл не поднимал глаз.

Рико положил на стол диплом и конверт. Отец прочитал, пересчитал купюры.

— Неплохо. Для начала. Только это не отменяет того, что настоящие деньги платят не за статьи, а за работу. — Он встал и ушёл.

Телефон отозвался сигналом. Лиза: «Я видела газету. Ты первый! Я так горжусь тобой!»

Рико улыбнулся. Холод отцовских слов отступил перед коротким сообщением. Победа была не главным. Главное — что его услышала та, ради кого он писал.

Прошла неделя. Лина пришла на работу и протянула Рико конверт. Почтовый, без марки.

— Лиза просила передать лично.

Рико разорвал край. Внутри была фотография с выпускного: они стоят у липы, он держит её за руку, она смотрит на него. На обороте тонким почерком: «Моё тепло».

Следующий выходной. Окно длилось пятнадцать минут. Родители Лизы уехали на званный обед, забыв ключи от ворот. Виола курила в машине неподалёку — сигнал, если что-то пойдёт не так. Рико ждал у калитки. Лиза выскочила в джинсах и тонкой кофте, волосы растрёпаны, глаза горят.

— Замёрзнешь.

Она рванула его за руку внутрь, в тёмный холл, захлопнула дверь, прижалась спиной к дереву. Дышала часто, как после бега. Рико стоял напротив. Свет с улицы выхватывал её лицо полосами сквозь витражное стекло.

— Я думала, это конец, — сказала Лиза. — Они запрут меня и выкинут ключ.

— Не выкинут.

— Откуда ты знаешь?

— Им нужна чемпионка. Чемпионкам нужен воздух.

— Ты и есть мой воздух.

Лиза хотела что-то сказать, но Рико взял её руки в свои. Пальцы ледяные, почти синие. Он поднёс их к губам, подул — пар вырывался облачками.

— Я здесь. Я никуда не уйду. Даже если ты не будешь меня видеть.

Лиза встретила с ним взглядом. В глазах — усталость, такая бездна, что Рико ощутил страх. Она шагнула вперёд, уткнулась лбом ему в плечо. Обняла, вцепившись в куртку. Рико обхватил её спину, прижал к себе. Тонкая кофта не грела, под ней билось частое сердце.

— Пятнадцать минут, — прошептала она. — Пятнадцать минут, и я снова кукла.

— Пятнадцать минут ты живая.

Они стояли в темноте холла особняка, пахнущем воском и деньгами. Рико гладил её по спине, согревал дыханием макушку. Снаружи сигналил двигатель — Виола подавала знак. Лиза отстранилась. Провела ладонью по его щеке.

— Шарф твой ношу под курткой. Тепло.

Рико досчитал до десяти, толкнул дверь и вышел в темноту. Виола ждала с работающим двигателем.

— Жив?

— Был жив. Рядом с ней.

— Отвезу до поворота. Дальше сам.

Они ехали молча. За окнами мелькали огни, тени, чужие жизни.

Пару дней спустя отец сидел на кухне, когда Рико вернулся со смены. В халате, с чашкой остывшего чая. Не спал.

— Долго ты.

— Работа.

— Работа. Учёба. Вечные прогулки, — произнёс отец с нажимом.

Рико остановился в дверях. Майкл подошёл к окну. За стеклом чернел двор, редкие фонари.

— Думал, сломаешься, — сказал он в темноту. — Месяц назад. Придёшь и скажешь: «Пап, я был неправ, давай потвоему». А ты...

Он обернулся.

— Ты как танк. Прёшь, не сворачиваешь.

Рико не знал, что ответить.

— Спать иди. — Отец ушёл из кухни.

Утром, уходя в университет, Рико заметил на столе конверт. Внутри — деньги, равные его месячному заработку в кафе. Записка без подписи: «На нормальную еду. Танкам топливо нужно».

31 октября. Хэллоуин. Рико шёл по улице. Компании ряженых обходили дома, гремели колокольчики, кто-то пел.

Он лавировал между ними, мыслями далеко — за кованым забором, у тёплого окна. Сегодня «окна» не было. Белла устроила домашний праздник для Агаты — тыквы, сладости, детский смех. Лиза должна была присутствовать. Улыбаться. Быть частью картинки. Рико знал это. И всё равно пришёл.

Угол особняка. Старый дуб. Точка обзора. Окна первого этажа сияли разноцветными гирляндами. Второй этаж. Её комната. Окно открыто. Он достал телефон. Экран осветил лицо. Набрал короткое: «Вижу».

Ответ пришёл через минуту. Не СМС — фотография: её рука держит угол серого шарфа, на фоне — тёмное небо и редкие звёзды. Без подписи.

— Эй, чувак, ты чего тут? — знакомый голос резанул по уху.

Рико обернулся. Марко — с пакетом конфет и бутылкой колы.

— Ты следишь за мной?

— Нет, просто мимо шёл. Увидел тёмный силуэт, подумал — привидение. А это ты. — Марко хлопнул его по плечу. — Опять дежуришь? Она там?

Марко проследил за его взглядом.

— Романтика. Знаешь, что сегодня можно? Хэллоуин, детка! Можно затесаться в любую толпу, никто не разглядит лицо.

— Идея. — Марко щёлкнул пальцами. — У меня есть запасные маски. Хочешь попасть внутрь? Увидеть её?

Рико поднял бровь. Марко ухмылялся во весь рот.

— Ты спятил. Её родители...

— Спятил ты. А я — гений. Слушай план.

Он зашептал:

— Пристраиваемся к толпе. Они звонят в каждый дом, кричат «сладость или гадость», получают конфеты и уходят. Когда дойдут до особняка твоей принцессы, мы будем в толпе. Родители не разглядят лица. Она — увидит. Если нужен я — поймёт.

— А если она выйдет?

— Тем лучше. Пять секунд зрительного контакта. Потом сваливаем. Риск минимальный.

Марко рылся в рюкзаке, вытаскивал две маски: скелета и демона.

— Выбирай. Демон тебе больше подходит. Почти одно лицо.

Рико натянул маску. Пластик прильнул к коже.

— А если спялят?

— Тогда я скажу, что ты мой младший брат-аутист. Просто хотели повеселиться. — Марко подмигнул.

Они влились в толпу ряженных. Никто не обратил внимания на двух парней в масках — таких было полно. Процессия двигалась медленно, останавливалась у ворот. Рико держался в тени, Марко расчищал путь локтями.

— Скоро твой выход.

Особняк Беллы и Диего сиял огнями. На крыльце горели

тыквы, дверь украшена гирляндами летучих мышей. Толпа галдела у ворот. Дверь открылась. На пороге стояла Белла — в длинном чёрном платье, с бокалом в руке. За спиной маячил Диего, а внизу, пританцовывая, прыгала Агата.

— Сладость или гадость! — заорала толпа.

Белла улыбнулась. Протянула корзину с конфетами. Дети потянулись за сладостями. Рико искал глазами Лизу.

Она появилась из глубины дома — бледная, в простой водолазке, с неподвижным лицом. Встала чуть поодаль, скрестив руки на груди. Марко толкнул Рико в плечо.

— Давай. Ближе.

Рико шагнул вперёд, растворился в толпе детей. Они толкались, тянули руки, визжали. Он двигался медленно, не сводя глаз с Лизы. Она смотрела в сторону, в темноту сада. Белла что-то говорила, но та не слушала. Рико оказался в трёх метрах от крыльца. Снял маску. Лиза повернула голову. Они встретились взглядами. Он видел только её глаза.

Из носа Лизы тонкой струйкой потекла кровь. Она прижала ладонь к лицу. Белла обернулась.

— Что с тобой?

— Ничего. Воздух сухой.

Лиза шагнула назад, в тень прихожей, бросив последний взгляд на Рико. Рико провёл пальцем под носом — красный след на коже.

— Уходим. — Марко дёрнул его за рукав.

Они нырнули в толпу, смешались с ряжеными, которые

уже уходили к следующему дому. Рико натянул маску, спря-
тал лицо. Сердце колотилось в горле.

— Видал! — Марко шепнул, когда отбежали за угол. — У
неё кровь пошла! От одного взгляда! Это вообще законно?

Рико вытер кровь о джинсы.

— Ты тоже. — Марко ткнул в него. — У тебя тоже. Близ-
нецы, что ли?

— У нас одна группа крови. Четвёртая отрицательная.
Редкая.

— Редкая. Ну ничего себе любовь. Кровь из носу — и
синхронно.

— Да не к такой синхронности стремился. «Быть рядом
— кровь из носу». Лучшая формулировка.

Марко хлопнул его по спине, рассмеялся.

— Ладно, пошли отсюда. Ты конфеты хоть взял?

Марко сунул ему пригоршню леденцов.

— Держи. Сладость вместо гадости.

Они шли прочь от огней.

— Не оглядывайся. — Марко положил руку на плечо. —
Она знает. Ты знаешь. Остальное — лирика. Пусть лишь шё-
пот вслед и холод от людей.

Рико шагнул в ночь. Тени обступили его, но теперь не пу-
гали. Он нёс свет — тот, что зажгли для неё, и тот, что она за-
жгла для него. Рико достал телефон, набрал короткое: «Жи-
ва?»

Ответ пришёл: «Жива. Ты был там?»

«Был».

«Я знала. Кровь пошла — значит, ты близко».

Рико улыбнулся в темноту.

«Спокойной ночи, ёжик».

«Спокойной, моё зеркало».

Марко что-то напевал, шагая рядом. Город засыпал, устав от чужих праздников. Октябрь уходил, оставляя вкус крови и леденцов. Впереди был ноябрь — серый, промозглый, полный новых запретов. Рико с детства ненавидел этот месяц.

«И в каждом взгляде — скрытый мне укор»

Первая сессия на журфаке. Преподаватели, вчера приветливые и спокойные, теперь стояли перед аудиторией так, словно обрушили на студентов снежный шквал. Курсовые задания терзали — сроки горели ярким огнём. Рико сидел, слушая лекцию, но не слышал ничего. В голове вертелись одни и те же мысли: «Сдать, не вылететь, успеть». Всё остальное было чужим, неважным.

Отец перестал замечать Рико. Завтрак — газета, ужин — телевизор. Когда Рико проходил мимо, отец не встречал его взгляда. Так и вычёркивают людей. Лиор не упускал момента. В один из вечеров, когда Рико рухнул на диван, не сняв куртки, брат сел напротив. Взгляд Лиора был острым, как лезвие.

— Ты как привидение. Ходишь, дышишь, а что дальше?

— Отвали.

— Просто наблюдаю. Раньше хотя бы злился. А теперь... Что ты? Сдался?

Рико не ответил. Сил не было. Лиор встал и ушёл, не оборачиваясь. Через плечо бросил:

— Марии было бы плевать на твою депрессию. Она бы сказала: «Вставай и делай».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.